

Мария и Виктор Котляровы

Кавказ

художественный

В РОЛИ ОХОТНИКОВ ЗА:
ТАЙНАМИ «АНЕНЕРБЕ»
«ВЕЛИЧАЙШИМ»
ИЗ МЕТЕОРИТОВ
СНЕЖНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Нальчик
2016

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Три экспедиции 2015-го и нынешнего года, в которых Мария и Виктор Котляровы, краеведы-исследователи из Кабардино-Балкарии, выступают в роли охотников-поисковиков, отражены в этой увлекательной, читающейся с неослабным интересом книге.

Работа продолжает и значительно расширяет тему, поднятую в книге «Ключи от тайн мира мертвых» (2011) – что искали гитлеровцы в горах Кабардино-Балкарии, выводя ее на новый уровень. Куда направлялись десятки немецких солдат (вероятнее всего из дивизии «Эдельвейс»), заживо погребенные лавиной, сошедшей в Гончакхирском ущелье, что в Карачаево-Черкесии, как проходили и чем завершились поиски артефактов, имеющих к ним отношение, рассказывается в главе «В роли охотников за тайнами „Аненербе“».

В народной памяти сохранились сведения о том, что на территории одного из районов (Терского) Кабардино-Балкарии в разное время упало несколько метеоритов. К каким результатам привели их поиски, читатель узнает из материала «В роли охотников за «величайшим» из метеоритов». Алмасты (йети) для жителей Кавказа не мифологический персонаж; предания о встречах с ним передаются из поколения в поколение. В последние годы о реликтовых гоминоидах ничего не было слышно. И вот вновь они напомнили о себе, оставив следы в Баксанском ущелье Кабардино-Балкарии. В разделе «В роли охотников за снежным человеком» авторы повествуют об экспедиции в горные районы республики, публикуют десятки свидетельств очевидцев встреч с алмасты.

Документальные источники, реальные факты, помноженные на солидный массив зафиксированной информации, придают новой книге Марии и Виктора Котляровых особую достоверность и привлекательность.

© М. и В. Котляровы, 2016

© Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»), 2016

В роаи
охотников
за тайнами
«Энерге»

«НЕМЕЦКИЙ АЭРОДРОМ»
ПОД ЭЛЬБУСОМ

АЛЬПИЙСКОЕ ЭХО В КАВКАЗСКИХ ГОРАХ

ПОГРЕБЕННЫЕ ПОДО ЛЬДОМ

«Немецкий аэродром»

«НЕМЕЦКИЙ АЭРОДРОМ» ПОД ЭЛЬБРУСОМ

Снимки плато под Эльбрусом с легкой руки авторов этих строк много лет назад закрепились в средствах массовой информации как «немецкий аэродром». В 2013 году одним из российских телеканалов («Звезда», название «Эльбрус. Тайна нацистского аэродрома»). Размещен в Интернете) был даже снят документальный фильм.

Преамбула

...Этой темой мы занимаемся с восьмидесятых годов прошлого века. Но первый большой материал об этом удивительном плато в Северном Приэльбрусье опубликовали в начале нынешнего тысячелетия. Им заинтересовалась всероссийская газета «Аргументы и факты», приславшая в 2005 году в Кабардино-Балкарию своего специального корреспондента. Так, «Тайна немецкого аэродрома» приоткрылась для многомиллионной читательской аудитории. Но доведена была до нее (надо учитывать специфику таблоидов, к которым с полным основанием сегодня можно отнести и «АиФ») не в форме гипотезы, а как неоспоримый факт.

И пошло-поехало: «Не наши в белом» – не кто иные, как тибетские ламы, переправленные на «фокке-вульфах» по приказу Гитлера на священную гору ариев, так называемое «место силы», где небо открывается и можно провидеть будущее. Скорее всего, они, восточные мудрецы, посвященные в тайны духа и мироздания, медитировали на склоне Эльбруса, проникая в будущее, пока рядом пас свою отару молодой пастух Муса. Именно им, а не эсэсовским

Фотографии из экспедиции Эрнста Шеффера в 1938 году в Лхасу

альпинистам, водрузившим флаг над высочайшей точкой Кавказских гор, было поручено вести переговоры с небом.

Обратный рейс самолет, привезший пассажиров в белом, выполнял пустым. Как утверждал старик, немцы расстреляли тибетских лам в урочище Джилы-Су. И якобы даже где-то есть знак свастики, выложенный камнями, отмечающий место их захоронения. Тайна пришельцев с Востока, одетых во все белое, пока остается тайной...

И сегодня никто не сомневается (во всяком случае, из числа молодежной аудитории, черпающей познания с интернетовских полей), что главной целью Гитлера была не закавказская нефть, а «вершина Эльбруса», как утверждает «АиФ», что ламы, предсказавшие захватчику «плохой прогноз исхода войны», действительно были расстреляны и нашли последний приют на «немецком аэродроме». Более того, уже осуществлено несколько экспедиций по поиску их захоронений – причем не только дилетантских, но и научных. Правда, «яму для ламы» найти все никак не удастся. И немудрено – сложно поймать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Ведь в нашем материале про тех же лам отнюдь не говорится утвердительно, как и об их могилах – показать-то обещали, да слово не сдержали. А коль так – было или не было?

...Удивляют его размеры – несколько сот метров в ширину и более километра в длину, а также то, что площадка эта совершенно ровная, словно природа создала ее для каких-то известных только ей целей. А человек (и только ли он?) лишь воспользовался ее дарами. Ступив на этот «аэродром» у подошвы Эльбруса, на какое-то мгновение замираешь, пораженный величием и грандиозностью открывшегося перед тобой вида – бесконечным полем, упирающимся где-то далеко-далеко в отвесную гряду, наверху которой расположена «Поляна грибов». Слева нависают вершины Эльбруса, до которых как будто рукой подать, а перед ними удивительные нагромождения лавы.

Расспрашивая чабанов, каждое лето выгоняющих в урочище Джилы-су скот, выяснили, что место это, сколько они себя помнят, сколько помнят себя их отцы, всегда называли аэродромом. Причем только немецким. Старожилы из Былыма тоже как о чем-

Фотографии из архива экспедиции Эрнста Шеффера в 1938 году в Лхасу

то само собой разумеющемся говорят о плато, как об аэродроме, уточняя, что сразу после войны здесь имелись соответствующие атрибуты летного поля – железные мачты. Приземлялись ли здесь самолеты, но рассказы полны самых живописных подробностей. В частности, мы слышали о том, что немцы привозили сюда смуглых безволосых людей в белых необычных одеждах (тибетских лам?) и по какой-то причине (будто бы услышав нежелательный прогноз о ходе завершения войны) всех их расстреляли. Кое-кто из старожилов обещал нам показать даже место, где произошла эта казнь – мол, оно отмечено знаком свастики, выложенной из камней.

Интерес Гитлера к Тибету, находящейся там таинственной, хотя до сих пор так и не найденной стране Шамбала, куда его сподвижники Карл Хаусхофер и Рудольф Гесс организовали несколько экспедиций, стремясь привлечь на свою сторону всемогущих повелителей Шамбалы, и где офицер СС Эрнст Шеффер в 1938 году в Лхасе, столице Тибета, даже организовал так называемую «Встречу западных и восточных свастик», общеизвестен. Как и то, что, взяв Берлин, наши солдаты обнаружили десятки трупов людей с чертами лица, характерными для жителей Гималаев. (Этот факт опровергается.) Как и то, что, по ряду свидетельств, у Гитлера в консультантах был тибетский монах, носивший зеленые перчатки. (Кстати говоря, про-

Эрнст Шеффер

Яков Блюмкин

являли интерес к Шамбале и органы ОГПУ – небезызвестный Яков Блюмкин, тот самый, что вошел в историю как участник убийства немецкого посла Мирбаха, в 20-х годах прошлого века побывал в Гималаях.)

Не меньший интерес проявлял подверженный мистицизму Гитлер и к священной горе арийцев – Эльбрусу. Еще в 70-х годах прошлого века, занимаясь подготовкой книги об истории и становлении комсомола Кабардино-Балкарии, записывая воспоминания ветеранов, мы обратили внимание на то, как много встреч с туристами из Германии проходило в конце 30-х годов. Естественно, свидетельствовали они о пламенном интернационализме, пролетарской солидарности; все немецкие друзья были «ротфронтовцами», тельманцами – одним словом, представителями германского рабочего класса. Но уж очень много среди них оказывалось любителей горного туризма. Понятно, что Эльбрус как магнит притягивает альпинистов. Только время показало, что большинство из этих горовосходителей были еще к тому же и профессиональными разведчиками, выполнявшими достаточно специфические задания, причем связанные не только с рекогносцировкой местности, в частности Приэльбрусья. Совсем скоро многие из них вернутся сюда, но уже в составе подразделений горных егерей...

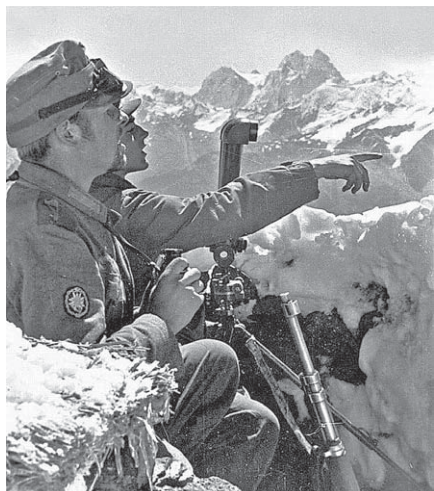
Вот что писали французы Луи Повель и Жак Бержье, первыми исследовавшие мистические теории, лежащие в основе германского нацизма, в своей книге «Утро магов»: «Когда следующей весной войска захватили Кавказ, произошла странная церемония. Три эсэсовских альпиниста взобрались на вершину Эльбруса, священной горы арийцев, колыбели древних цивилизаций, магическую вершину секты «Друзья Люцифера». Они водрузили там знамя со свастикой, благословленной в соответствии с ритуалом Черного Ордена. Благословение знамени на вершине Эльбруса должно было отметить начало новой эры. Теперь времена года должны были повиноваться и огонь – на тысячелетия победить лед. В предыдущем году имело место серьезное разочарование, но это было только испытанием, последним перед подлинной духовной победой. И вопреки предостережениям классических метеорологов, предсказывающих еще более опасную зиму, чем

прошлая, вопреки тысяче угрожающих признаков войска двинулись на север, к Сталинграду, чтобы разрезать Россию надвое».

У немецкого генерала Курта Типпельскирха в его фундаментальной работе «История Второй мировой войны» есть такая несколько ироничная фраза: «На Эльбрусе немецкие горные стрелки подняли 21 августа немецкий флаг, но это значительное достижение альпинизма не имело ни тактического, ни тем более стратегического значения». А в материалах Нюрнбергского процесса генерал-полковник Альфред Йодль вспоминает, что одно упоминание Эльбруса «вызвало у Гитлера неслыханный скандал».

Откуда Типпельскирху и Йодлю, профессиональным штабистам, прожженным воякам, знать, что Эльбрус должен был стать самым главным шагом к Тибету, к овладению высшими знаниями, к полному овладению миром, когда народы сами падут ниц перед сверхчеловеком...

Все перечисленное выше: о таинственных пассажирах, привезенных к подножию Эльбруса, их медитации, предсказании и последующей смерти, как и сам «немецкий аэродром», – можно, ничуть не сомневаясь, отнести к области фольклора, легенд, привнесенных извне альпинистско-туристской братией, склонной к шуткам и розыгрышам. Да только вот в 1942/43 году туристов в

Гитлеровцы в Приэльбрусье. 1942

Приэльбрусье не наблюдалось, а 8 марта 1944 года балкарцев депортировали в Среднюю Азию и Казахстан. Так что мифотворчеством заниматься было некому.

Принимало ли летное поле под Эльбрусом самолеты – вопрос спорный. По своим параметрам оно соответствовало аэродрому, годному для приземления даже тяжелых бомбардировщиков, может и сейчас принять даже самые современные самолеты – об этом нам говорили специалисты. Но вот по сводкам наших военных летчиков место это не проходит. Олег Опрышко, автор книги «На Эльбрусском направлении» (Нальчик, 1970), досконально изучивший военные архивы, тоже категоричен: аэродрома здесь не было. Но вот что интересно: тем не менее он о нем слышал, причем неоднократно. И даже, пытаясь выяснить истину, расспрашивал об этом Александра Сидоренко, того самого, знаменитого, снимавшего с группой альпинистов фашистский флаг с Эльбруса. Подтверждения, что и понятно, не получил. Но ведь аэродром-то считался тайным, и в те времена сплошной секретности о нем могли знать лишь единицы.

Уже впоследствии, когда вышло первое издание книги, посвященной «немецкому аэродрому», в издательстве появился Олег Опрышко с обнаруженной им в архиве Министерства обороны РФ (Подольск) разведсводкой № 041 от 29 августа 1942 года штаба 2-й стрелковой дивизии. И в ней такие строки: «Посадочная площадка для самолетов используется немцами для посадки самолета «фокке-вульф», который, по словам жителей, производит ежедневную посадку».

Но самое удивительно в другом – из этого самолета, будто бы приземлившегося на поляне, получившей впоследствии название «немецкий аэродром», вышел, по словам очевидцев, человек, который говорил на ...кабардинском языке.

...Много лет назад мы слышали историю, которую не восприняли всерьез и не решились обнародовать ввиду преобладающего в ней фольклорного элемента. Старик-пастух, чье имя даже не удосужились записать по причине его навязчивой говорливости, вызванной чрезмерным возлиянием горячительного напитка, известного как водка, все пытался вступить в нашу беседу со старожилками чабанского фронта о немецких самолетах «фокке-

вульф», приземлявшихся в начале осени 1942 года у подножия Эльбруса. И был, мол, он там в это время, и самолет видел, и даже с пассажиром разговаривал.

«На каком языке?» – последовал чей-то ехидный вопрос, а когда прозвучало: «На нашем», то бишь, уточним, кабардинском, раздался такой смех, что бедный пастух мгновенно протрезвел, полностью перешел на родной язык и стал что-то быстро говорить, отчаянно при этом жестикулируя. Но его дальнейшие слова тонули в непрерывном хохоте собравшихся в тот вечер у костра. Еще бы, старик рассказывал, что немецкий офицер, прилетевший в качестве пассажира, оказался ко всему прочему умелым наездником: на взятой у пастухов лошади проделывал такие чудеса джигитовки, что все вокруг только ахали.

Подумалось: «Вот сила воображения: не так ли родилась легенда о самом «немецком аэродроме?»»

И забылось, ушло из памяти, пока в издательстве не раздался звонок доктора физико-математических наук, профессора кафедры теоретической физики КБГУ Бориса Иналовича Кунижева. Он нашел нас после публикации «Что искали гитлеровцы в горах Кабардино-Балкарии?», дабы сообщить, что его дядя Анатолий Татуевич Кунижев был в том самом «фокке-вульфе», приземлявшемся в 1942 году в Северном Приэльбрусье.

«Это как?» – оставалось только вымолвить и пригласить Бориса Иналовича на разговор. Здесь мы и услышали историю о том самом наезднике, беседовавшем с чабанами на кабардинском языке. Оказывается, дядя, когда он еще был жив, рассказывал племяннику о том, что, будучи на службе у немцев, он неоднократно летал над Кабардино-Балкарией на самолете в качестве пассажира, садился

Анатолий Татуевич Кунижев

и на «немецком аэродроме». Более того, будучи весьма умелым наездником, как-то, увидев у чабанов, пасших стадо неподалеку, отличного по стати коня, не удержался, вскочил на него, принялся показывать чудеса когда-то весьма знакомой ему джигитовки. Но годы взяли свое: все-таки ему было уже сорок четыре – не удержался, упал, повредил ногу...

Впрочем, расскажем все то, что узнали.

Анатолий (в некоторых документах 20-х годов Таля, Толя) Татуевич Кунижев родился в 1898 году в селении Нартан. Был вторым из пяти сыновей (по годам рождения – Мажид, Инал, Астемир, Аубекир) Тату Кунижева, занимавшегося разведением кабардинской породы лошадей. (Вот откуда берет начало его мастерство наездника, поразившее пастухов на «немецком аэродроме».)

Юность Анатолия пришлась на переломное время: революция, Гражданская война, эмиграция... Имеются не до конца проверенные сведения, что он служил в отряде Даутокова-Серебрякова. Эмигрировал в Турцию.

Впрочем, что его ожидало, если бы он остался в Советской России? С полной уверенностью можно сказать: те же репрессии, которым подверглись его братья. Так, старший Мажид, 1891 г. р., был арестован 28 октября 1937 года, обвинен в том, что высказывал враждебность к существующему государственному строю. Причем, что показательно, обвинения касались событий далеких лет: участия в Кубанском походе (было два похода Добровольческой армии на Кубань) в годы Гражданской войны, в Баксанском контрреволюционном восстании 1928 года и подготовке в 1931 году вооруженного восстания в селении Нартан. Судьба Мажида оказалась predetermined: 19 ноября тройкой НКВД КБАССР он был приговорен к расстрелу, а уже на следующий день приговор привели в исполнение. Спустя чуть более полувека, 25 июля 1989 года, М. Т. Кунижев был реабилитирован.

Другой брат – Инал, отец нашего гостя, арестовывался дважды: первый раз 10 декабря 1931 года, а 22 мая следующего тройка при ПП ОГПУ СКК и ДАССР (эта аббревиатура расшифровывается так: Полномочное представительство Объединенного государственного политического управления по Северо-Кавказскому краю и Дагестанской АССР) приговорила его к одному году ли-

шения свободы. А второй раз – 28 октября 1937 года (в один день со старшим братом Мажидом) – с предъявлением обвинения в проведении контрреволюционной агитации, направленной на развал колхозов и против существующего советского строя. Через месяц, 26 ноября, Инал был приговорен все той же зловещей тройкой, тысячами штампующей обвинительные приговоры, к заключению в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) сроком на восемь лет. Отсидел. Был реабилитирован: по второму обвинению 22 марта 1971 года, по первому – 15 июня 1989 года.

Эти данные из обвинительных заключений братьев Кунижевых. Кстати говоря, в одном из них, мажидовском, есть упоминание и об Анатолии: «Имел брата Таля, активного белогвардейца, находящегося в эмиграции в чине офицера».

Так как тема, которой коснемся ниже, не совсем патриотичная, а, скажем прямо, достаточно скользкая и до недавнего времени совершенно непечатная, отвлечемся от эмоций и приведем из биографии Анатолия Кунижева только факты – известные, опять же повторимся, со слов родственников, так как архивы службы безопасности нам не доступны.

Итак, в 20-х годах прошлого века А. Т. Кунижев эмигрировал в Турцию; в 1926 году он уже в Англии (там, по его словам, «учил одного англичанина кабардинскому, а тот его – английскому»), спустя какое-то время переезжает в Грецию, где женится на гречанке; в 1929 году у него рождается сын Георг. Супруга была из богатой семьи, и Анатолий в средствах не нуждался – больше учился, чем работал: получил высшее техническое образование. Весной 1941 года, когда немецкие войска заняли Афины, оккупировав Грецию, заявил родным, что «вступает в немецкую армию, дабы отвоевать у большевиков родину».

Известен и такой факт из его военной биографии. В книге Хабаса Бекулова «Аул князей Мисостовых и узденя Тогланова», рассказывающей об истории селения Урвань, приведен рассказ Хачима Мастафова, побывавшего в немецком плену. Вот фрагмент из его полевого дневника: «Находясь в деревне Кутелик (Днепропетровская область Украины), я узнал от хозяина, что у них остановилась немецкая часть, следующая на Кавказ, и среди них есть какой-то нацмен. Узнав, что среди нацменов есть кабардинец, я явился к нему. Им оказался Анатолий Владимирович (так в тек-

Анатолий Кунижев с супругой (слева). 1961

С супругой и родственниками

С супругой Лидией Карловной. Сухуми

сте) Кунижев, эмигрант из России. Он был из соседнего сел. Нартан, что в 5 километрах от моего сел. Урвань. Часть следовала в Моздок. Из Моздока в ноябре 1942 года я отпросился домой к себе в селение...» (Нальчик. 2008. С. 454).

Кем Анатолий служил у немцев на Кавказе, не совсем понятно: звание имел обер-лейтенанта (то есть старшего лейтенанта), более того, находился при достаточно высокой должности, так как ему было поручено контролировать бомбометание на территории Кабардино-Балкарии. Родственники рассказывают, как он заявлял, что в его силах было в прямом смысле разровнять всю республику (дословные его слова: «Яйца можно было бы катать»), что всего лишь одна бомба упала без его ведома. Что летал он над Кабардино-Балкарией, патрулируя и следя за порядком, множество раз, приземлялся осенью 1942 года на плато под самым Эльбрусом, где, решив покрасоваться перед земляками, джигитовал на необъезженном коне и повредил ногу.

Чего в этих словах больше – правды, выдумки или позерства – сказать сложно, но вот что интересно: когда Анатолий в 1962 году вернулся в Нартан, его брат Инал устроил так называемое *тхьэлъэу* (дословно – праздничный молебный день), где каким-то образом оказался один из стариков, видевший его прилет на «фокке-вульф». Видимо, с того момента и пошла гулять легенда, с которой мы столкнулись в первый свой приезд в Северное Приэльбрусье.

Как складывалась дальше судьба Анатолия Кунижева – нам неизвестно: где он воевал, когда, в каком году и как попал в плен, знают только архивы. Будто бы был осужден, срок отбывал в Сибири, но сам утверждал, что никогда не сидел. И в это можно поверить, если вспомнить, что уже в 50-х годах он оказался в Абхазии – жил в Сухуми, работал в энергетике, причем на руководящих должностях; говорил, что вся энергетическая система Абхазии была построена непосредственно при его участии. Сохранилось много фотографий того периода, где шестидесятилетний мужчина в белом костюме позирует на фоне теплоходов и пальм. На одной из них Анатолий вместе со своей третьей супругой (была еще и вторая – украинка) Лидией Карловной, немкой по национальности. Совместных детей у них не было. Интерес-

ный факт: разговоры в доме Кунижевых велись на французском языке, а всего Анатолий владел двенадцатью языками. Причем, помимо французского, в совершенстве знал немецкий, английский, греческий. Читал на турецком и даже на китайском – иначе для чего, спрашивается, выписывал газету китайских коммунистов «Жэньминь жибао» и целый ряд других, иностранных, получать которые, уточним, в те времена можно было только с разрешения Комитета государственной безопасности.

Или другой факт. Анатолий, приехав на родину, ни в чем не нуждался, более того, сразу купил младшему брату дом, 8 июля 1963 года удочерил его дочку Римму, родившуюся 25 марта того же года, и она впоследствии, после его смерти, получала пособие чуть ли не в два раза больше среднемесячной зарплаты советского служащего. Кстати говоря, сам Анатолий получал двадцатирублевую пенсию – то есть как персональный пенсионер союзного значения. Большие по тем временам деньги, позволявшие ему ни в чем не нуждаться, одеваться с иголки, вести привычный богемный образ жизни. Что вызывало, с одной стороны, недоумение односельчан – нартановец, участник Великой Отечественной войны, удивлялся: непонятно, он, инвалид, получает от государства 27 рублей, а гитлеровский офицер в четыре раза больше.

А с другой стороны, как рассказывает Аниуар Яганов, бывший заместитель министра энергетики и промышленности республики, по селу ползли слухи, что Кунижев хоть и служил у немцев, но оказал родине большую услугу, за что и платят ему такую повышенную пенсию. Он же вспоминает, что Анатолий Кунижев выделялся среди нартановцев не столько своей финансовой обеспеченностью, сколько грамотностью, европейским лоском, особой, присущей иностранцам, холеностью и ухоженностью.

Но самое главное, как выяснилось, независимостью суждений. Видно было, что власть к нему благосклонна, на родине он чувствовал себя непринужденно и уютно, свидетельством чему были и приезды к дому Кунижевых автомашин престижных марок и номеров, запомнившиеся нартановцам.

Какой же можно сделать вывод из всего сказанного? В биографии Анатолия Кунижева столько неясных, необъяснимых моментов, что возникает множество самых разных вопросов. Если слу-

жил Кунижев у немцев, то почему столь неадекватным оказалось возмездие за содеянное: отсидел он весьма недолго (а вероятнее всего, и вообще не сидел), жил впоследствии, не скрываясь и не чураясь достаточно черных (на взгляд советских людей) страниц своей биографии. Следовательно, есть что-то, о чем Анатолий не рассказывал родственникам, скрывал от близких и унес с собой в могилу. Вот только один факт. В 90-х годах прошлого века, когда пришло время гласности и архивы, в том числе и всеильного КГБ, чуть приоткрылись, Борис Кунижев (на тот момент декан физического факультета КБГУ) обратился к министру безопасности КБР (тогда эта должность называлась так) с заявлением. В нем он, в частности, сообщал, что «старший брат моего отца Кунижев Анатолий Татуевич, 1898 года рождения, долгое время проживал в странах Европы. После Великой Отечественной войны был послан в Сибирь. С 1950 года проживал в Сухуми, где женился и в 1962 году вместе с супругой Лидией вернулся в Кабардино-Балкарию и работал заместителем директора кооперативного техникума вплоть до своей кончины в 1973 году».

В этом же заявлении племянник сообщает, как перед смертью дядя рассказал ему, что его сын Георг, 1929 г. р., занимает ответственный пост в руководстве НАТО (Организация Североатлантического договора); одно время жил на Кипре, а сейчас в Париже.

А заканчивалось заявление просьбой «оказать содействие в получении максимально объективной информации о дяде и его сыне, способной осветить их судьбу, выдать личные семейные фотографии, адреса проживания его детей и другие личные документы».

Действовать Борис Кунижев решил и официально, и, так сказать, на межличностном уровне, обратившись к своему бывшему сокурснику по учебе, а на тот момент сотруднику КГБ в достаточно высоком звании. Ответ он получил практически сразу. Сказано ему было примерно следующее: «Заявление подавать не следует, заниматься этим делом не надо, так как время узнать правду не пришло и придет не скоро».

Отсюда следует... А следует то, что Анатолий Татуевич Кунижев мог быть в том самолете, что садился на «немецком аэродроме», что правдивую его биографию, в которой, судя по всему, немало удивительных страниц, еще предстоит только узнать.

В наших же силах записать то, что знали близкие и родственники Анатолия Кунижева. Так родилась идея собрать за одним столом всех тех, кто непосредственно общался с ним в Нартане.

И вот что выяснилось.

Своими воспоминаниями за общим столом с нами поделились Нуся Кунижева, жена самого младшего из пяти братьев Кунижевых, Астемира; Римма Кунижева, дочь Астемира, которую супруги Анатолий и Лидия удочерили; дочь Астемира Фатима (по мужу Шогенова, 1961 года рождения); Борис Кунижев, племянник.

В процессе долгой беседы, совместных воспоминаний, когда один из участников дополнял другого, удалось устранить ряд неточностей. Оказалось, что годы жизни Анатолия Кунижева несколько иные. Если исходить из дат на памятнике, установленном на его могиле, то родился он в 1901 году, а умер 27 апреля 1972 года.

И еще один момент: Анатолий, сгоревший от рака буквально за какой-то месяц, перед смертью рассказывал, что на службе у немцев он имел звание штурмбанфюрер – то есть майор, а не старший лейтенант, как мы писали.

Нуся: – Как я любила его, как боялась, чтобы не забрали, не увезли с собой навсегда люди, приезжавшие на черных машинах. А он все смеялся: «Нуся, я обязательно вернусь, никуда не денусь – помогу им и вернусь». Помню золотые часы, которые ему подарили за что-то большие люди из Москвы – они сказали, что это награда за то, что Толя обманул Гитлера.

Каким красивым мужчиной он был – приехал во всем светлом: белый костюм, белый галстук, белые туфли, белая шляпа, только рубашка чуть другого оттенка. А вот красный цвет не любил: увидел кого-то из девочек в красном платье, занервничал, велел снять, говорил, что там, где он жил, такие платья носят женщины, которых не уважают.

Римма: – У меня две мамы – Нуся, которая родила, и Лиди, которая воспитывала десять лет, вплоть до своей смерти 29 мая 1973 года. Как себя помню, все разговоры в доме велись на иностранном языке – это для того, чтобы я вошла в языковую среду, легче восприняла чужой язык.

Очень рано, еще до школы, меня стали учить читать и писать. Отец – а меня Анатолий и Лидия удочерили через три с половиной месяца после рождения – диктовал письма, которые я писала своим брату и сестре. Он говорил: «У тебя есть брат и сестра, они далеко, поэтому пиши им, как ты живешь, чем занимаешься». Сегодня я понимаю, что это был своего рода педагогический прием, чтобы я научилась связно мыслить и излагать услышанное на бумаге.

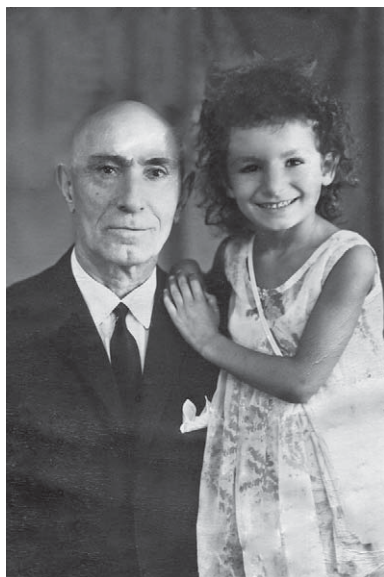
И вот я писала одно письмо за другим, но никак не могла понять, почему нет ответных весточек. Когда спрашивала об этом отца, он отвечал, что, вероятно, письма не доходят, но голос его при этом дрожал, а в глазах блестели слезы.

Я не понимала, отчего он плачет, обнимала его, спрашивала, но он только отшучивался. Помню и слезы в его глазах, когда он слушал по радио старинную кабардинскую песню про юношу, который никогда не видел отца.

Я без Анатолия и Лиды буквально не могла минуты прожить: только в их комнате, только с ними, уходили куда – искала, плакала, места не находила. Как-то они должны были ехать в санаторий. И уехали, но прошло совсем немного времени, буквально час-другой, – возвращаются.

«Мы решили остаться, говорят, боимся, что за тобой некому будет присматривать». А сами улыбаются – это была только отговорка, ведь Нуся, родившая меня, оставалась дома.

Помню, как Лидия Карловна, усадив меня рядом, включала проигрыватель, ставила на него пластинку с записью оперы Джакомо Пуччини «Мадам Баттерфляй» и, когда звучала ария Чио-Чио-сан («Только ветер буйный поет за кормой, Чио-Чио-сан, я хочу быть с тобой. Только волны бьются о берег крутой, Чио-Чио-

Анатолий Кунижев с приемной дочерью Риммой

сан, я хочу быть с тобой»), прижимала меня к себе и долго плакала. А мне было трудно усидеть на месте, разве могла я тогда понимать, что эта музыка напоминала женщине, которую называла матерью, какие-то моменты ее прошедшей жизни...

Ее мучила неутоленная жажда материнства, ведь у нее не было своих детей и меня не она родила. Сегодня я это отчетливо понимаю, вспоминая, что, когда ее звала не мамой, она строго отвечала: «Я не слышу». А когда я тут же поправлялась, называя мамой, отвечала ласково: «Что тебе, детка?».

Фатима: – В семейных преданиях сохранился тот вечер, который устроил мой отец Астемир по поводу возвращения своего брата. Собралось очень много нартановцев; на почетных местах старики: кому восемьдесят, кому и больше, помнившие еще отца Анатолия, его самого мальчишкой, потом юношей. Известен он был в селении не столько как сын знаменитого конезаводчика, а как искусный наездник, многое умевший в нелегком мастерстве джигитовки – вел меткую стрельбу с коня в карьер (попадал в куриное яйцо), на ходу поднимал платок с земли, соскакивал по нескольку раз подряд на обе стороны, перелезал под брюхом лошади. Говорили, что в Нартане два столь искусных наездника – Магов и Кунижев.

Оказались за тем столом и старики, присматривавшие в 1942 году за скотом, что согнан был со всей Кабардино-Балкарии, в том числе и из Нартана, в Северное Приэльбрусье – власти думали, что немцы сюда не доберутся. А они пришли со стороны Карачая и вели себя как хозяева: оборудовали стоянку, использовали ровное природное плато для аэродрома, на который стали регулярно садиться самолеты из Пятигорска. На одном из них и прилетел тот самый офицер, который говорил с чабанами на их родном языке, а потом, заметив чем-то приглянувшегося ему коня, стал демонстрировать джигитовку. Вот тогда-то и слетела чья-то фраза: «Валлаги, такое только сын Тату Кунижева проделывал!». И уже за столом, спустя двадцать лет, глядя на живого, но сильно постаревшего Анатолия, прозвучал вопрос: «Не вы ли тот кабардинец, который прилетал на пастбища в сорок втором?..». Люди помнят прозвучавшее – тихое и медленное – «да».

Что запомнилось из тех дней начала 60-х годов? В памяти сохранилась особая обстановка чего-то совсем непривычного для

нас, сельских жителей – комфорта (появился шезлонг, выносные пляжные стол и стулья, выделявшиеся своей ослепительной белизной на сером фоне двора, огороженного плетнем); газовая плита с баллоном, вызвавшая повальный интерес и пугавшая своим непонятно откуда появляющимся пламенем стариков; удивительный запах тортов, которые пекла его супруга Лидия Карловна, разносившийся далеко окрест; дядя в пижаме (нартановцы в большинстве своем в те времена даже и не знали о таком мужском спальном костюме), готовящий в турке пахучий черный кофе и пьющий его из такой малюсенькой чашечки, что она не была видна в его руке... Это была другая жизнь, буквально ворвавшаяся в нартановскую обыденность, практически незнакомую с атрибутами европейской цивилизации. Такой факт: в начале 60-х годов во всем селении имелся только один телевизор, смотреть который собирались десятки людей.

Понятно их отношение к дяде, олицетворяющему этот комфортный, благоустроенный, светлый мир и одновременно представляющему его в единственном числе: подтянутому, изысканно одетому, постоянно читающему непонятные книги, получающему газеты на иностранных языках, употребляющему в разговоре такие слова, которые они никогда даже не слышали.

Запомнилась, прямо врезалась в память фраза, которую он повторял часто: «Ко всему можно привыкнуть, за исключением того, что унижает человеческое достоинство».

Борис: – Воспоминания о дяде – одни из самых светлых в моей жизни. Вошел он в мою судьбу – белоснежным кителем, который прислал в конце 50-х годов по почте из Сухуми. Надо помнить то время, когда младшие донашивали за старшими штопаные-перештопаные вещи, когда день приобретения новой одежды становился одним из самых больших праздников. Мне, мальчишке, впервые в жизни надевшему такую модную вещь, не хотелось ее снимать даже дома, а в школе с того времени за мной даже закрепилась кличка «Китель».

А как дядя учил меня играть в шахматы, как радовался, что так быстро я овладел простейшими секретами этой игры. Он даже не особо расстроился, когда проиграл мне в первый раз, а потом стал уступать все чаще. Но зато когда проигрывал брату, нервничал так, что мог скинуть фигуры с доски на землю. Вообще-то

вышедшим из себя помню его всего раз: заспорил о чем-то с соседом-фронтовиком, с которым, по большому счету, они были по разные стороны баррикад, что-то доказывал ему, а тот все упирался и упирался, и дядя не выдержал, бросил в сердцах: «Такие, как вы, были моими адъютантами!».

Часто рассказывал о Греции, где у него все было, но не было главного.

«Зачем мне это богатство, – говорил, – когда я лишен родины, когда рядом нет тех людей, кто близок и дорог, кому ты приятен не потому, что у тебя есть деньги, а потому, что вас связывают узы родства, дружбы, товарищества...»

Далее мы планировали поднять историю болезни Анатолия Кунижева и его пенсионное дело (несмотря на прошедшие десятилетия, кое-какие документы все-таки сохранились, но для их выявления нужен кропотливый и многодневный поиск).

Обратились к знакомым в Абхазии, чтобы они нашли тех, кто работал в 50-х годах прошлого века вместе с Анатолием в энергетической системе этой республики; дали им сухумский адрес (дом 10 на улице Цулукидзе – тогда она носила это имя), где проживали его самые близкие друзья – Евгений Абрамович с супругой Галиной. Но наметив столь обширную программу предстоящих действий, пришли к выводу: все это будет или дополнением к сказанному, или в пределах сказанного, так как несколько не приблизит к ответу на главный вопрос: кем он, Анатолий Кунижев, был на самом деле. По большому счету, ответ может быть таким: двойной агент или разведчик. Узнать, где правда, можно только с помощью компетентных органов, которым мы и адресовали письмо с изложением всего вышесказанного.

Письмо передал по назначению сотрудник Рен Тв (на тот момент) Владислав и, не ожидая ответа, приехал в Кабардино-Балкарию для съемок передачи о «немецком аэродроме» и непосредственно Анатолии Кунижеве. Владислав бывал в наших краях неоднократно – готовил передачи для программы «Тайны мира с Анной Чапман», несколько из них прошли в эфир. Приезжала, кстати, и сама Анна. Поэтому не было сомнений, что передача

должна получиться. Специально для корреспондентов и была организована встреча родственников, которые поделились своими воспоминаниями. Съемки были многочасовыми. Удалось рассказать и об эпизоде, который вносил в общую картину новые штрихи. Вот он.

Произошла эта история в период временной оккупации Кабардино-Балкарии, в конце ноября 1942 года в селении Урух (бывшее Коголкино). В доме Бамбетовых – одном из лучших в Коголкино, поселились румыны. Целых семь человек, благо комната для гостей была большой – чуть ли не в тридцать метров. В ней они все и разместились.

Начали с того, что на глазах у хозяев переловили всех кур, тут же свернув им головы. Часэ, одна из дочерей Исхака-хаджи, хозяйина дома, к тому времени уже покойного, рассказывала, что снег во дворе дома был весь в каплях крови. И сердце ее от этого кровью обливалось, тем более, если вспомнить, что имя ее – Часэ переводится как белоснежная ткань.

Попыталась женщина остановить непрошенных гостей, помешать им, да не тут-то было. Поднял один из румын автомат, прицелился в нее, но не выстрелил, лишь произнес: «Пуф-пуф» – и показал жестом, как она будет падать на землю. Пришлось Часэ, обливаясь слезами, варить безвременно погибшее куриное семейство.

Тем временем румыны вовсю хозяйничали в комнате. Разделись, расставили стол, разложили на нем консервы, достали бутылки. В какой-то момент им показалось, что в комнате холодно, стали искать дрова. Увидели во дворе обработанные сосновые доски, которые приготовили для коридорной пристройки. Стали их рубить топором. Как ни кричала Часэ, не показывала на хворост, сложенный у крыльца, ее никто не послушал. Уже и автомат не поднимали, гогоча в несколько голосов: «Паф-паф!».

Доски Бамбетовы заготовили давно, берегли как зеницу ока: ровненькие они были, одна в одну, сухие-пресухие. Горели ярко, с искрами, треском. Долго сидели румыны, потом затихли. Заглянула женщина – все храпят, лишь один за столом сидит, из стороны в сторону качается, мычит что-то. В комнате жарко-жарко, воздух от водки и пота спертый, дышать нечем.

Вздохнула Часэ, к печке подошла, увидела, что задвижка на ней закрыта. Руками всплеснула, языком зацокала – что с цыган возьмешь. Открыла задвижку и собралась уходить. Но румын – пьяный-то пьяный, но заметил. Подошел шатаясь, пальцем погрозил и снова задвинул. Попыталась ему женщина объяснить, что так делать нельзя, что это опасно – не воспринял. Рукой показал на дверь, а когда Часэ вышла – закрыл ее. Пять румын остались в комнате. Шестой – часовой – во дворе, под окнами ходил, потом в коридор перебрался.

Утром женщина проснулась, вышла в коридор, часовой ее увидел, пошел за ней во двор. Стала Часэ ставни открывать. Вначале в той, где спала, потом, где гости непрошенные ночевали. Открыла, в окно заглянула и отпрянула: румыны на полу лежат, один с кровати свесился вниз головой. Румын тоже в комнату заглянул. Закричал, заголосил, автомат с плеча сдернул, но стрелять не стал. А потом весь двор Бамбетовых военные заполнили. Двери пораскрывали, в комнату заглядывали. Морщились, кривились, кричали друг на друга. И действительно, зрелище, по рассказу Часэ, было не самое приятное. Мертвые-то ладно, так еще все в блевотине зеленой, в испражнениях, от которых стоял запах непереносимый. Фыцу, соседа Бамбетовых, чей дом был через дорогу, заставили обмыть мертвецов, переодеть их в чистое белье, которого принесли целый тюк.

Но главное, что беспокоило румын, – кто лишил жизни их товарищей. Понятно, что подозрение первым делом пало на хозяев дома. И еще неизвестно, чем бы вся эта история кончилась, но тут к дому подъехала черная блестящая машина, а из нее вышел офицер. Худощавый, как вспоминала Часэ, в кожаном пальто, с золотыми погонами. Румыны при нем вытянулись, на окна стали показывать, говорить что-то, руками размахивать. Офицер их жестом остановил, вошел в дом, увидел женщину, посмотрел на нее внимательно, а потом и говорит: «Мать, расскажи как все это случилось. Расскажи, ничего не бойся». Сказал он все это на чистейшем кабардинском языке, сказал уважительно, не повышая голоса. То ли родной язык на женщину подействовало, то ли доброжелательные нотки в голосе офицера, но она сразу успокоилась, хотя до этого не находила себе места, и рассказала про сосновые доски, которые, если они сухие, дают много тепла, но

угара еще больше, про задвижку, которую закрыл румын. Сказала и про то, что могла убежать, так как сильно испугалась, но осталась, сказав себе: «Как Аллах решит, так и будет». Офицер поинтересовался, какой она фамилии, спросил про отца, но не сказал, что знал его – человека, известного в Кабарде своей набожностью, совершившего хадж, чья слава только возросла после смерти ввиду чудесного исцеления тех, кто приезжал поклониться его могиле. Но это и понятно, почему не сказал – Исхак-хаджи умер в 1900 году. Но вот что сказал – и это Часэ запомнила на всю жизнь – что он кабардинец, родился в Кабарде. И улыбнувшись, добавил: «В детстве с лошади не слезал». Звучало ли при этом название селения, откуда он родом, женщина не запомнила, но сохранила в памяти последние слова гостя: «Хорошо, мать. Ты все сделала правильно. Спасибо тебе».

И уехал, дав перед этим какие-то распоряжения румынам. Никто из Бамбетовых не пострадал. Интересно, что уже после ухода немцев эта история имела продолжение. Приехал в Урух известный драматург Аскерби Шортанов. Вместе с председателем колхоза пришел к Часэ в дом. Говорит: «Это известный писатель, он просит рассказать о том, как ты убила пять немцев». Всплеснула бабушка руками: «Разве это люди – дрова сожгли, курям головы оторвали. Но ведь и у них родные были. Разве у меня Бога нет? Сами они себя убили!» – «Ладно, ладно, – сказал председатель, – иди, Часэ, в дом, не будем делать из тебя героя».

Эту историю в передаче рассказала, понятно, не сама Часэ, так как она умерла в 1956 году, а ее внучка Римма Жиругова. Косвенное подтверждение ей нашлось в воспоминаниях участников партизанского отряда, действовавшего на территории Кабардино-Балкарии. Но в их трактовке румыны не угорели, а были уничтожены, причем числом куда как больше реальных пяти.

Встает вопрос: мог ли офицер, приезжавший разбираться с угоревшими в Урухе румынами, быть Анатолием Кунижевым? Ответить однозначно нельзя. Хотя офицерское звание незнакомца, великолепное знание кабардинского языка, да и косвенный намек, что «в детстве с лошади не слезал» (Кунижевы, напомним, владели табуном чистокровных коней) как будто свидетельствует в пользу нашего предположения.

Тем не менее, передача, снятая и смонтированная, в эфир на канале Рен ТВ так и не вышла. Ответа на наше обращение мы не получили – не из Москвы, не в Нальчике, где тоже сделали подобную попытку. Правда, через посторонних лиц нам дали понять, что этой темой заниматься не следует.

Книгу, в которой была изложена данная история, мы подарили местному историку Олегу Опрышко – тому самому, что нашел подтверждение посадкам «фокке-вульфов» на плато в Северном Приэльбрусье. И буквально через несколько дней он позвонил и сказал, что у него есть выписка, имеющая отношение к Кунижеву. Оказывается, в Москве в 1952 году вышел под грифом «Для служебного пользования» «Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». В 70-х годах прошлого века, согласно внутреннему распоряжению по КГБ, сборник этот был уничтожен во всех местных отделениях и если и остался где, то находится под семью печатями. Так вот в этом сборнике есть сведения об абвергруппе 103, которая с августа 1942 года по январь 1943 года дислоцировалась в станице Николаевской (6 км от Пятигорска). В составе этой абвергруппы числился Кунижев Анатолий Татович, о котором приводятся такие сведения: «Кличка «Князев», вербовал и забрасывал агентуру до мая 1943 года. Белоэмигрант, 1895 г. рождения, уроженец аула Нартан, Нальчикского района Кабардинской АССР».

И далее: «Арестован на Урале ОКР «Смерш».

Но коль так, и все вопросы сразу снимаются: агент Абвера, злостный враг, не ушедший от возмездия.

Только странным оказалось это самое возмездие – не расстрел и даже не многолетний срок в колымских лагерях. В том же самом году, когда вышла книга со столь разоблачающими Анатолия Кунижева данными, он оказывается на Черноморском побережье Кавказа – более того, работает в энергетической отрасли, всегда считавшейся закрытой для лиц с неблагонадежным прошлым. И живет в Абхазии не под чужой фамилией, а своей собственной. Это как? Чекистская недоработка? Что-то верится с трудом, а если по большому счету – вообще не верится. Ибо невозможно. Значит, есть какие-то моменты, которые нам не известны. Они же касаются и всей дальнейшей жизни Анатолия Кунижева: ни

от кого не прятался, жил открыто, глаз не отводил. И государство за ним не видело вины – как иначе оценить назначение пенсии, которая и не снилась по тем временам фронтовикам?

Не меньше неясностей и в биографии супруги Анатолия Кунижева – Лидии Карловны. Известно, что была немкой, знала несколько языков, своих детей не имела. А дальше что? А ничего.

На нартановском кладбище супруги Кунижевы лежат рядом. Глядя на мусульманскую стелу, установленную на могиле женщины, родившейся неизвестно где и обретшей последний приют на местном погосте, невольно думалось: кем она была, какие ветры носили ее по свету, остались ли у нее родственники? За прошедшие десятилетия никто не задался этими вопросами. Задастся ли?..

В откликах на эту историю был и такой: «Вам не кажется, что в своем рассказе вы отошли от истины и моделируете иную реальность?». На что ответили так: «Мы не знаем, к сожалению, какая из реальностей та, а какая эта. Как и не знаем до сих пор кем был Анатолий Кунижев: свой среди чужих или чужой среди своих».

Не уверены и в том, что его судьба связана с таинственным плато, что в Северном Приэльбрусье. Тем более что тайна «немецкого аэродрома» по-прежнему не раскрыта, более того – в ней появляются новые страницы. Не так давно в издательстве появился Константин Ширшов, инструктор по горным лыжам, чье имя известно в Приэльбрусье многим. И рассказал историю, отзвук которой до нас доходил и раньше, но которую мы считали (как и с летчиком, вышедшим из самолета и заговорившем на кабардинском языке) своего рода фейком и не воспринимал всерьез. Но Костя, известный альпинист, отдавший горам десятилетия, утверждает, что она, история, имела место быть. В 90-х годах прошлого века он зарабатывал на жизнь тем, что водил на Эльбрус группы туристов из Европы. Особенно у них были популярны восхождения с северной стороны, ранее закрытой для иностранцев. В одной из таких групп, приехавшей из Германии, оказался человек преклонного возраста – было ему далеко за семьдесят. Выяснилось, что на Эльбрус он уже когда-то поднимался и на этот раз приехал не ради восхождения, а по другой причине – увидеть еще раз места, в которых бывал раньше.

У богатых людей свои причуды и никто на немца внимания не обращал, тем более что и обращать это внимание было некому: компетентные органы уже давно не контролировали ситуацию,

иностранцы были предоставлены самим себе и тем местным, кто организовывал для них поездки. Немец не пошел на восхождение, но и в лагере, что был разбит на поляне Сырт, не остался. Каждый день без рюкзака уходил с раннего утра по тропинке в сторону «немецкого аэродрома». Двигался, несмотря на годы, легко, уверенно, судя по всему, с горами был знаком хорошо.

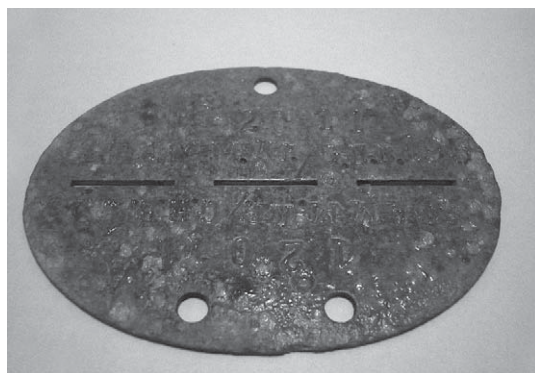
Возвращался в темноте. И уже перед отъездом принес с собой достаточно объемный сверток. Что было завернуто в прогнившую брезентовую ткань, покрытую темными мазутными пятнами, никто так и не узнал. Но видели сверток несколько человек, более того – обсуждали этот эпизод, так как на следующий день немец, не дождавшись своих спутников, все еще не вернувшихся с восхождения, и даже не попрощавшись с находившимися в лагере, ушел к источникам. Рюкзак его был полон, хотя в палатке, как позднее узнали, немец оставил некоторые свои вещи – свитер, трико, полотенце. Потом выяснилось, что его видели у машин тех, кто приехал на источники, с пачкой марок (тогда евро еще не было), предлагавшего их тому, кто сможет его отвезти в аэропорт Минеральные Воды.

Со временем эта история обросла многочисленными деталями и подробностями, став своего рода местным хабаром. Но Костя Ширшов клянется-божится: немец приезжал, принесенный им сверток люди видели, и уехал иностранец весьма срочно, не дождавшись своих спутников. Если так – что он искал, что он нашел, что он увез? И каким образом эта находка связана с плато, носящим название «немецкий аэродром»? Хочется верить, что когда-нибудь мы получим ответы на эти вопросы.

Жетоны немецких солдат, найденные в горах Карачаево-Черкесии

АЛЬПИЙСКОЕ ЭХО В КАВКАЗСКИХ ГОРАХ

Все началось с того, что в издательство пришел паренек и принес несколько идентификационных жетонов немецких солдат. Нашел он их вместе с двумя товарищами в высокогорье, но где конкретно – не сказал.

Жетонов восемь; все они (за исключением одного) целые, не переломанные пополам, а следовательно, взяты с места, где обрели последний приют их обладатели. Переломанный жетон при наличии стольких целых говорит о том, что он находился в кармане одного из погибших. То есть солдат погиб раньше, его захоронили, а жетон взяли с собой. Но передать по назначению (в Германию) в силу каких-то обстоятельств не смогли. Для 1,2 миллиона пропавших без вести немецких солдат личные знаки были и остаются последним шансом заявить о себе своим родным и близким.

Судьба восьми из них проясняется на наших глазах.

Вот какое освещение эта история нашла в социальных сетях, на страничке одного из авторов.

...Самое главное, что это только малая часть (если так выразиться) айсберга, а проще – того, что найдено ребятами. В одном из ущелий – узком, обрывистом, затененном – прошлым летом они обнаружили группу немецких солдат, попавших, судя по всему, под лавину. Очень большую группу. В последние годы началось активное таяние ледников, снежная шапка, лежащая поверх них, стекла – обнажился лед, а в нем – на глубине чуть больше метра – тела немецких солдат. Они разбросаны на достаточно протяженном участке – не менее 250–300 метров. Группами по 5–7 человек, скопом, один на одном – видна только общая серо-зеленая масса. Таких групп несколько. Многие лежат по отдельности. Сквозь ледяное зеркало среди серо-зеленоватой массы просматриваются даже лица. Общее количество солдат подсчитать очень трудно, но речь идет о десятках, а может даже и сотне человек.

По картине, проглядывающей сквозь лед, можно сделать вывод, что они погибли мгновенно. Нет никаких сомнений, что от лавины. Она сошла с правой стороны и похоронила под огромной массой снега всех находившихся в этом достаточно узком ущелье. Снег спрессовался от времени и температуры, замуровав солдат на долгие годы, но и сохранив их такими, какими они были в сентябре-ноябре 1942 года. Сохранив тела и, естественно, все, что было при живых людях – документацию, личные вещи...

Если сообщение это правдиво, то оно поистине сенсационно. Чтобы спустя более 70 лет прояснилась судьба столь большой группы немецких солдат – такого еще не было и вряд ли возможно. Тем более что все тела сохранились, а следовательно, в наличии и идентификационные жетоны.

Сейчас надо поднять немецкие штабные документы, чтобы понять, что это за группа, какие цели были поставлены перед ней, что известно о ее исчезновении. Без сомнения, сведения эти где-то отложились. Мы подключили к поиску ряд зарубежных друзей по Фейсбуку; один из них помог атрибутировать, к какому роду войск принадлежат найденные жетоны. Но надо сразу сказать, что многие из них из другого захоронения – расположенного поблизости. Имеющиеся карты не вносят ясность в картину. Нужны донесения, а следовательно, большая работа по их поиску.

Мы поговорили с Олегом Опрышко, автором книги «Заоблачный фронт Приэльбрусья» – главным, пожалуй, на сегодняшний день специалистом по боям за Кавказ. Он выразил сомнение, что такая большая группа немецких солдат могла оказаться в горах и исчезнуть бесследно, сказал, что ничего не слышал об этом; предположил, что это наши бойцы. Тем не менее, надо говорить именно о немецких солдатах, более того: альпийских егерях, возможно, о румынских горных охотниках. Сквозь зеркало льда видно, что они одеты в куртки, на головах шапочки. Такого обмундирования у наших войск не было.

Известно, что бои в этих местах осенью 1942 года шли, и очень ожесточенные. Кашиф Мамишев, один из ведущих организаторов туризма в Кабардино-Балкарии, исходивший Северный Кавказ за пять десятилетий вдоль и поперек, также подтверждает нахождение в этих местах многочисленных свидетельств военных действий, в том числе и тел погибших солдат. Он счи-

тает, что группа могла исчезнуть в период с сентября по ноябрь 1942 года. По большому счету даже эти рамки следует раздвинуть – с 20 августа до конца декабря, ведь место это доступно и в зимнее время. Это невероятно сложно, но тем не менее возможно.

...Хаотичность разброса тел – они лежат на участке протяженностью 250–300 метров, скученность (группами по несколько человек) и одновременно единичность их расположения свидетельствует, что они погибли одномоментно, погребенные снеговой массой. Лавина сошла с правой стороны узкого ущелья, не оставив никому шансов на выживание. Она же законсервировала тела солдат, одновременно сохранив в неприкосновенности все то, что было с ними: идентификационные жетоны, оружие, документы.

Случай из ряда уникальнейших, невероятных, неправдоподобных, не имеющих аналогов. Кавказ предоставил нам возможность заглянуть в прошлое, приоткрыть неизвестные военные страницы. С одной стороны, прояснить судьбу десятков немецких солдат, с другой – внести ясность в то, что происходило в этих местах в сентябре-декабре 1942 года.

По примерному маршруту движения группы становится ясно, что горные охотники, перед тем как попали в лавину, спустились с перевала, ведущего в Закавказье. Что они делали в Абхазии? Только ли проводили рекогносцировку на местности? Каким образом их маршрут связан с озером Рица, к которому проявляла неподдельный интерес созданная в фашистской Германии в начале 30-х годов прошлого века мистическая организация «Аненербе»?

«Наследие предков» (так переводится название этой организации) свою главную цель видело в поиске доказательств теории расового превосходства германцев: «изыскания в области локализации духа, деяний,

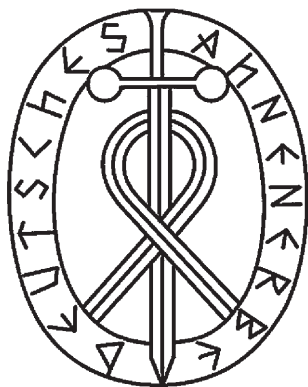

Содержимое чемоданчика экспедиции «Аненербе», найденного в Адыгее. 2014

наследства индогерманской расы». В 1935 году президентом и уполномоченным организации «Наследие предков» становится Генрих Гиммлер, спустя два года интегрировавший «Аненербе» в структуру СС. В 1941 году общество было включено в личный штаб рейхсфюрера СС, а его деятельность переориентирована исключительно на военные нужды. Нюрнбергский международный трибунал признал «Наследие предков» преступной организацией, а ее руководитель Зиверс был приговорен к смертной казни.

Среди заявленных целей «Аненербе» был обозначен также «поиск артефактов, составляющих основу «иной» науки», в первую очередь главных святынь христианского мира. Вело его общество по всему миру, в том числе и на Кавказе, надеясь именно здесь обрести сакральные знания, которые дадут им в руки абсолютное оружие, основанное не на технологических разработках, а на иной физической основе.

Но планируемая «Аненербе» комплексная экспедиция на Кавказ не состоялась – у немцев просто-напросто не хватило времени на ее проведение. В августе 1942 года разгорелось сражение за Кавказ, а уже 11 января 1943 года советскими войсками была освобождена Кабардино-Балкария. Но отдельные представители «Наследия предков», выполнявшие конкретные поручения, на Северном Кавказе все-таки побывали. Косвенно об этом свидетельствуют документально подтвержденные факты приземления германских самолетов на плато в Северном Приэльбрусье, получившем в народе название «немецкий аэродром». Плато, не имевшем для ведения боевых действий ни стратегического, ни практического значения. Тем не менее палаточный лагерь одного из немецких подразделений здесь был разбит, о чем сообщали местные жители. По их же свидетельствам здесь находился большой продуктовый склад, о котором и поныне напоминают многочисленные пустые банки от всевозможных консервов, мар-

Шахта-пещера на одной из вершин
массива Хара-Хора

Артур Жемухов у реперного камня
в окрестностях сел. Заюково

кированные предвоенными годами. Так не сюда ли направлялась группа, погибшая под лавиной?

Не прямыми, но тем не менее убедительными свидетельствами непонятных таинственных поисков фашистов служит пребывание специальной группы на трех машинах (из дивизии «Волчья пасть» – сохранились даже фотографии) в октябре 1942 года в районе селения Заюково, что в Баксанском ущелье. Как свидетельствовали местные жители, под пологом машин находилось какое-то непонятное оборудование, предположительно бурильное. Каждое утро немцы выезжали на машинах в верховья и возвращались, когда уже было темно. Ходили слухи, что в связи с поспешностью отступления оборудование они спрятали где-то в горах. В огороде одного из частных домовладений был захоронен и высокопоставленный офицер, тело которого (будто бы он разбился, сорвавшись со скалы) привезли в село после одного из выездов. Но найти его могилу уже в наше время так и не удалось.

Мы, кстати, написали о своих поисках целую книгу – «Ключи от тайн мира мертвых. Что искали гитлеровцы в горах Кабардино-Балкарии». В ней воспроизведена фотография реперного камня в верховьях селения Заюково с нанесенной свастики и конкретной датой – 28 октября. Но что должен был обозначать этот знак? Имеет ли к нему отношение найденная в 2011 году на массиве Хара-Хора шахта-пещера, глубиной 78 метров, до сих пор так до конца и не исследованная?

И в этом вопросе, как и в других, ясности нет. Но может, на них дадут ответ документы, которые сохранились под толщей льда вместе с телами десятков горных охотников? Самое интересное, что, несмотря на привлечение к поискам в немецких архивах множества энтузиастов, до сих пор не удалось найти какие-либо штабные документы, проливающие свет на историю таинственного подразделения, буквально исчезнувшего (этот термин здесь правомерен) в 1942 году. Группы, повторимся, состоявшей из десятков, если не сотни человек. И это несмотря на невероятную дотошность и пунктуальность немцев в подобного рода делах.

Ущелье, законсервировавшее тела завоевателей и все находившееся при них имущество, не только редко посещается, но и очень опасно. Здесь не советуют даже громко кричать, так как нависающие снежные валы готовы сорваться в любой момент.

Фотографии Нальчика из альбома фашистского офицера

Как здесь вести изыскательские работы, какую технику применять, дабы обезопаситься от схода снежной лавины, и в то же время бесшумно разрезать более чем метровый слой льда, под которым лежат люди, еще предстоит решить. Но экспедиция, которую предполагается сделать международной, обязательно состоится в ближайшее время. И, возможно, тогда одной из военных тайн станет меньше.

А вот что дали экспедиции 2015 года.

Дивизия «Волчья пасть» на пустыре ул. Степной в Нальчике. 1942

Гитлеровцы в Приэльбрусье. 1942

ПОГРЕБЕННЫЕ ПОДО ЛЬДОМ

Все лето и начало осени 2015 года мы занимались поисками ледника, в котором сошедшей с отвесных скал лавиной оказались заживо погребены десятки немецких солдат, с большой вероятностью из дивизии «Эдельвейс». Со слов очевидцев, там их лежат десятки.

Вкратце напомним, как это все начиналось. В начале года в наш издательский офис пришли два молодых человека, карачаевец Иссуф и балкарец Тахир (фамилии, место жительства и прочие паспортные данные имеются), и предложили приобрести у них жетоны немецких солдат. То, что они были целыми, а не переломанными пополам, свидетельствовало, что либо черные копатели разграбляли немецкое кладбище, либо рассказываемое ими было правдой. В пользу последнего свидетельствовало и то, что в процессе нашего общения появились другие, выразимся так, артефакты, в частности серебряный перстень альпийского стрелка, отлично сохранившийся нож в ножнах с фамилией владельца, другие жетоны...

Перед обнародованием данной информации в Интернете мы тщательнейшим образом уточнили услышанное: побеседовал с ребятами (с каждым в отдельности), задавали вопросы, на которые они не могли ответить, не согласовав свои версии, спрашивали то, на что могли знать ответ только специалисты по обмундированию альпийских стрелков или, как в нашем случае, непосредственные очевидцы.

Были и фотографии (четыре), распечатанные с телефона, но настолько некачественные и размытые, что на них (съемки производились через лед толщиной полтора, а то и два метра) невозможно было ничего разобрать.

Но самым убедительным доказательством правдивости услышанного было то, что ребята (в первую очередь старший из них) хотели получить деньги. Большие деньги. Вначале речь шла о миллионе рублей, потом ставки упали до трехсот тысяч, но толь-

ко на начальном этапе. Причем Исуф предлагал провести, так сказать, бартерный обмен: мы ему деньги, он нам место, где лежат немцы. На том и остановились: до июля-августа (время, когда ледник должен был подтаять и обнажить свое «содержимое») надо было найти означенную сумму.

Деньги за время вынужденного ожидания мы так и не смогли найти, но зато выяснили следующее. Во-первых, место расположения ледника. Вначале Исуф не называл его, говорил туманно «недалеко от Эльбруса», отчего и в первых сообщениях в Интернете и средствах массовой информации новость эта подавалась под заголовком «В Приэльбрусье найдены замороженные тела немецких солдат». Впрочем, подобная неточность виделась обоснованной: она позволяла отсечь черных копателей, для которых подобного рода захоронения имеют немалый интерес. Представьте себе: в законсервированном виде сохранились как сами тела, так и всё имевшееся при немецких солдатах: документы, личные вещи, оружие.

Но случилось так, что в одном из разговоров с Исуфом, когда попросили ответить его на закономерный в нашем случае вопрос «Как ему стало известно о немцах, погребенных лавиной?» (оказалось, от русского альпиниста, хорошо знакомого с этими местами, долгое время жившего в Карачаево-Черкесии, а ныне переселившегося в Ставропольский край), прозвучало название «Северный приют». И все стало ясно. Ведь словосочетание «Северный приют» в советские времена было известно практически каждому, путешествующему по Кавказу. Это турбаза, являющаяся последним пунктом на территории Карачаево-Черкесии знаменитого туристического маршрута в Грузию, проложенного по Военно-Сухумской дороге, пересекающей Большой Кавказский хребет по Клухорскому перевалу.

Получалось, что «замороженные немцы» (употребим термин «Комсомольской правды», трижды летом 2015 года обращавшейся к означенной теме) находятся в Карачаево-Черкесии, еще точнее – в Гоначхирском ущелье, расположенном на территории Тебердинского заповедника. Сюда нужен специальный пропуск от администрации заповедника, который получить хоть и трудно, но возможно. Куда труднее взять разрешение у пограничников: все-таки граница совсем рядом, а погранцы – народ недоверчи-

вый, даже если с другой стороны располагается дружественная нам Абхазия.

Пропуск взяли, причем на обоих ребят. Тем не менее Исуф не спешил с поездкой: откладывал ее под всякими благовидными и надуманными предложениями. К тому же смог убедить (не знаем уж какими такими аргументами он на него воздействовал, но они были не менее весомы и убедительны) не помогать нам и Тахира. Парень этот был на леднике (в августе прошлого года, во время своего отпуска) всего один раз (вместе с Исуфом). Тем не менее дорогу запомнил достаточно хорошо, а на месте смог бы окончательно сориентироваться. Но и с Тахиром, контрактником, которого приходилось каждый раз отпрашивать у его достаточно строго командования, ничего не складывалось.

Лето уходило стремительно, а вместе с ним и возможность увидеть «замороженных немцев». Ведь ледник – это своего рода живой организм, находящийся из-за активного потепления последних лет в постоянном движении; картина одного года несоотнесима с картиной другого года. Ведь всего лишь раз он явил человеческому взгляду то, что было скрыто под многометровой толщей более семидесяти лет. А если случится так, что ледник не приоткроет тела, а наоборот – еще глубже их запрятает?

И тогда мы приняли решение искать место гибели альпийских стрелков самостоятельно. Легко сказать, но как осуществить на практике. Гоначхирское ущелье находится в 300 километрах от Кабардино-Балкарии. Не ближний свет, но пять-шесть часов на машине не главное препятствие. Главное, в каком из ответвлений (а их несколько) искать. И – что не менее важно – какими силами искать. Ведь до ледников, находящихся, что не надо объяснять, в самом начале ущелий, можно добраться только пешком. Добираться несколько часов по местам, где тропинок отродясь не было – по травяным и древесным зарослям, нагромождениям камней – осыпям, валунам, переходя вброд реки и ручьи. Идти все время вверх и вверх, а потом еще лазить по леднику, на отвесных скалах коего множество лавиносборников, с которых снеговые пласты то и дело слетают вниз, так как им деваться больше некуда.

Понятно, что своими силами тут справиться было невозможно, тем более что спонсоров не находилось. Все финансирование

Гитлеровцы в Приэльбрусье

пришлось взять на себя (заинтересованные структуры обещали выделить средства только при наличии конкретного результата) и обратиться к знакомым альпинистам. Откликнулся Константин Ширшов, в последние годы занимающийся тем, что водит на Эльбрус иностранных туристов. Ему уже далеко за шестьдесят, но здоровье отменное, по горам ходит так, что молодым не угнаться. А уж о профессиональных навыках и говорить не приходится. Кроме того, Константин решил и вопрос технического обеспечения экспедиции (вернее будет сказать экспедиций, так как их пришлось провести несколько). Альпинистское оборудование, в том числе и вспомогательное, связанное с питанием, он взял на себя. И все это на абсолютно бескорыстных началах.

Большую помощь в привязке к местности оказал сотрудник ВГИ, кандидат географических наук Михаил Докукин. Он скачал и переслал нам космические карты данного ущелья, изучив которые, мы поняли, что в нашем случае речь может идти только о двух ущельях: тех, где находятся ледники Хакель и Чатча.

В первую, ознакомительную, поездку мы сделали своего рода рекогносцировку – вместе с пограничниками проехали по Военно-Сухумской дороге чуть ли не до самого Клухорского перевала. Еще раз убедились, что нашим информаторам Исуфу и Тахиру сюда так просто не попасть, а значит, предположение о нахождении «замороженного батальона» в боковых ущельях абсолютно обосновано. Они тоже в погранзоне, но сюда доступен вход и туристам, и работникам заповедника, и жителям республики, как-то связанным с этими местами.

Начали мы свои поиски с ледника Хакель, судя по картам наиболее благоприятного для немецкого десанта. Выдвижение наметили на пять утра – с первыми лучами солнца. Решение было верным – дорога заняла несколько часов. Впрочем, определение «дорога» выглядело издевательством над здравым смыслом. Скот здесь не держат, туристы не бывают, поэтому ни о каких натоптанных тропках даже речи не идет.

Пошли напролом. Долго пытались перейти горную бурливую речку – искали подходящее место, но так и не нашли. Решили навести переправу – побросали камни, на них поваленные деревья и, набрав в ботинки воды, наконец, перебрались. Вверх поднимались, отсчитывая, в прямом смысле, каждый шаг – сплошные ка-

менные завалы, по которым надо где прыгать с одного на другой, где, подтягиваясь на руках, влезать на гладкую макушку валуна. Причем все настолько непрочное и зыбкое, что ходит под ногами от малейшего движения.

К этому надо добавить сплошные древесные залежи, переплетения березок-карактиц, которые в некоторых местах невозможно обойти – надо только отводить в стороны ветви, пролезать между ними. А главное – невозможность расслабиться даже на мгновение – камни под ногами, скрытые травяным ковром, то и дело пытаются поймать твою ступню в свой капкан, а там и до перелома одно мгновение.

За час таких мучений, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, мы одолели никак не больше километра. Ледник, который визуально находился, казалось, в каких-то сотнях метрах, практически не приблизился.

Тем не менее часа через три мы подошли к его языку.

Эта махина поражала воображение. Высотой за тридцать метров, полагая к краю, она сверкала на солнце и струилась многочисленными ручьями, которые вытекали снизу, стекали сверху, промыв в «теле» ледника трещины-пробоины. Глыбы льда то и дело с треском отваливались от края ледника, а по бокам его лежа постоянно слетали вниз камни.

Ледник с одной стороны оказался сильно загрязнен и практически непроницаем. Тем не менее, не теряя времени, мы стали тщательно осматривать его огромное живое «тело» – планомерно, шаг за шагом.

По большому счету мы облазили его вдоль и поперек, замерзли (попробуй походи несколько часов по сплошному ледяному насту), продрогли на не стихающем ни на минуту ветру, пока не поняли: это не то место, где лежат немцы.

Предстоял обратный путь. Мы надеялись, что он окажется куда проще, так как перешли речку у самых ее истоков – непосредственно у ледника. Но надежды оказались напрасны. К каменным завалам, переплетениям древесных насаждений прибавилась новая напасть – огромные, чуть ли не бесконечные заросли борщевика, вымахавшего выше человеческого роста. Он пожелтел, но вовсе, как выяснилось, не потерял свою жгучую силу. Как мы не оберегались, но пройти без потерь заросли это-

го желто-зеленого хищника не смогли – пометил он нас своими ожогами надолго.

...Перепрыгивая с камня на камень, протискиваясь между ветками деревьев, переплетенными намертво друг с другом, отодвигая зонтики (достигающие до 40 сантиметров в поперечнике!) борщевика, оступаясь, падая и вновь поднимаясь, мы шли и шли, и конца этому пути не было видно. Солнечное марево плыло перед глазами, пот застилал их и от этого рождались миражи. В голове звучало только одно: будет ли этому конец? не проще ли умереть прямо здесь под зонтиками борщевика? И самое главное – зачем нам это надо.

Действительно: зачем? Да ради тайны, которая будоражит воображение, заставляет ехать за многие сотни километров, не спать ночами, преодолевать немыслимые преграды, мучиться от усталости. Ради тайны, которую так хочется приоткрыть. Которая приоткроется... Впрочем, даже если не приоткроется...

...Когда один из нас выбрался к той самой площадке, где некогда находился Северный приют, ноги уже были не мои, они не подчинялись ни моим движениям, ни моим мыслям. Ступенька перед дверью нашего «Патриота» казалась столь непреодолимой по высоте, что я достаточно долго стоял перед ней в раздумье. Хорошо, что этого сомнения не заметили мои спутники: они, как и я, выкручивали майки: вода лилась не каплями – струей. Впрочем, какая вода – это был пот. Я даже не представлял, что способен выделить из себя за раз столько пота...

Целью следующей экспедиции было соседнее ущелье – то, где сползает вниз ледник Чатча. Не будем живописать к нему дорогу – она оказалась еще труднее, а главное, протяженнее. Константин в своих кошках, позволяющих ему расхаживать по льду, как по паркету, облазил ледник, но ничего не увидел. Да и невозможно что-то увидеть подо льдом, на котором грязная корка из серой каменной пыли. После многочасовых поисков (осенний день стремительно заканчивался) осматривать боковые щели было выше наших сил и возможностей.

Мы опять ничего не нашли. Стало ясно, что без непосредственных информаторов не обойтись. Самым слабым звеном в этой двойке являлся, конечно, Тахир, склонный нам помочь и без денег, но, видимо, находящийся под влиянием (а скорее все-

го давлением) своего напарника. Тем не менее обещание Тахира поехать с нами откладывалось за разом раз и воплотилось в реальность только в сентябре. Связанные множеством различных факторов: транспорт, время, жизненные ситуации участников, мы должны были уложиться в один день. Тогда как в предыдущие не укладывались и в два.

Но это был, пожалуй, последний шанс: погода стояла отменная. Снег в горах, по сравнению с прошлыми годами, значительно задержался.

Выехали с началом нового дня и за какие-то четыре часа по ночной дороге преодолели более трехсот километров до шлагбаума, преграждающего путь в Гоначхирское ущелье. Судя по всему, охранник должен был появиться нескоро. Но, руководствуясь мыслью, что вряд ли ключ от шлагбаума забирают с собой, мы, рассуждая логически, осмотрели все возможные места его нахождения, и с первой проблемой успешно справились.

Второй шлагбаум, перекрывающий путь в пограничную зону, нам не открылся. В месте, указанном пограничниками, его не было. Потратив на поиски ключа куда больше часа, мы решили отправиться пешком, а это несколько километров, хоть и по асфальту.

Тахир прекрасно помнил дорогу, по которой они с Юсуфом шли в прошлом году. Оказалось, нам нужно ущелье, в котором находится ледник Чатча, то самое, где мы побывали в прошлый раз и ничего не нашли. Ниже Северного приюта располагается метеостанция, от нее ведет тропинка, позволяющая спуститься в долину, непосредственно ведущую к леднику.

После дополнительных километров каменные завалы и насыпи преодолевались куда труднее, чем в первый раз. Подъемы на склоны и спуски вниз замедляли движение. К тому же резко испортилась погода: пошел дождь, переросший в настоящий ливень, задул сильнейший ветер, в иные моменты прямо-таки сбивающий с ног. Мы мгновенно продрогли, так как оставили в машине все лишние вещи, в том числе (солнце жарило вовсю) и куртки (вышли налегке с учетом дополнительных километров). Если свитера еще как-то спасали тело, то руки продрогли тут же, в прямом смысле онемели.

Ветер не стихал, дождь не прекращался, но завершать экспедицию столь бесславным образом не хотелось. Тем более что Тахир шел уверенно, не смотрел ни на одну из боковых щелей и направлялся напрямик к самому леднику Чатча. Но там мы ведь уже были и ничего не нашли.

Надо сразу сказать: не нашли и в этот раз. Но Тахир (для подтверждения своих слов он дал согласие пройти проверку на полиграфе – детекторе лжи) уверенно показал, в каком именно месте он видел тела людей, на каком протяжении они лежали, где (на самом гребне) одно из тел приоткрылось, и был найден серебряный перстень с силуэтом альпийского стрелка. Получалось, что все тела находились точно посередине ледника. Погодные условия прошлого года оказались идеальными для приоткрытия тайны Чатча – лед был синеватый, прозрачный, сквозь его толщу можно было увидеть тела людей, их одежду. Описание куртки и шапочки альпийского стрелка, сделанное Тахиром, отличалось такими деталями, которые известны только специалистам или людям, интересующимся означенной темой.

К сожалению, зима нынешнего года была очень снежной. Под снежной шапкой лед так и не обнажился. Приоткроет ли ледник свою тайну, как сделал он уже раз? Мы верим, что это произойдет. Надо только поймать этот, судя по всему достаточно короткий по времени, момент. А для этого надо, начиная где-то с июля, мониторить ледник. Мониторить хотя бы раз в несколько дней, в неделю, в крайнем случае. У нас, к сожалению, нет такой возможности. Экспедиции показали, что это легче всего делать, находясь в означенном месте или где-то поблизости.

Кто этим займется? Не знаем. Но дабы не случилось так, чтобы первыми у места, где находится, возможно, разгадка одной из тайн Великой Отечественной войны, оказались черные копатели со своими личными интересами (что по большому счету и случилось), мы раскрываем точное место нахождения «замороженного батальона».

Гоначирское ущелье, его ответвление, в котором расположен ледник Чатча. Середина ледника, сразу на его гребне и далее за ним, на протяжении нескольких десятков метров.

Кое-кому покажется странным предложение защититься от черных копателей указанием точного местонахождения погребенных лавиной солдат. Но это вовсе не так. Люди, которые бывают в этих местах, все известны: зона-то пограничная. Тем более на учете будут и те (через систему разрешений и пропусков), кто захочет побывать здесь. Мониторинг, с одной стороны, и постоянный контроль – с другой позволит подтвердить не только сам факт, но и принять меры вначале по охране этого необычного захоронения, а впоследствии и по его вскрытию и изучению.

Когда это произойдет, не знаем. Но то, что произойдет, не сомневаемся. И находка, уникальная как для наших мест, так и всего Северного Кавказа, даст ответ, как и почему альпийские стрелки оказались поздней осенью 1942 года на леднике Чатча, укрывшем их на долгие десятилетия... И куда они шли. Пока самым аргументированным остается предположение: на перевал Чотча, чтобы зайти с тыла нашим бойцам, тысячами погибшим на Клухорском перевале, телами своими преградившим гитлеровцам дорогу к Черноморскому побережью Кавказа...

В роад охотников за «вечайиша» из метеоритов

ЗАБЫТАЯ ЗАМЕТКА В «ПАМЯТНОЙ
КНИЖКЕ»

МНЕ С НЕБА ВИДНО ВСЕ...

МЕТЕОРИТОВЛАДЕЛЬЦЫ КАЛМЫКОВЫ

АРИКСКИЙ ФЕНОМЕН

МОЛОКАНСКИЕ СВЯЗИ НЕБЕСНОГО ГОСТЯ

ОН НАЗЫВАЕТСЯ АХОНДРИТ

И В ВЕРХНЕМ КУРПЕ СВОЙ ПОСЛАНЕЦ

Активные участники поиска метеорита летчики Руслан Панжиков и Владимир Теуважев у Арикского метеорита

ЗАБЫТАЯ ЗАМЕТКА В «ПАМЯТНОЙ КНИЖКЕ»

Росматривая дореволюционные архивные публикации, натолкнулись на заметку «Редкой величины аэролит», опубликованную в малотиражном издании «Записки Ростовского-на-Дону Общества истории, древностей и природы» (1914, т. 2, с. 336). Заметка представляет несомненный интерес, так как ее автор Евграф Петрович Савельев – известный историк, писатель, журналист. В «Памятной книжке области Войска Донского на 1916 год» приводятся его биографические данные, в частности сообщается, что он надворный советник, делопроизводитель областного правления ВД (Войска Донского).

В 1913 году по делам службы Е. П. Савельев побывал в Нальчикском округе, о чем и свидетельствует опубликованная им заметка. Вот ее содержание: «Близ станции Котляревской ж. д. (в верстах 10 от нее, если ехать на мост через р. Терек) на земле Калмыкова, в зарослях кустарника лежит редкой величины аэролит, неизвестно когда упавший; по крайней мере местные старожилы кабардинцы не помнят его падения.

РѢДКОЙ величины аэролитъ.

Близъ станціи Котляревской Влад. ж. д. (въ верстахъ 10 отъ нея, если ѣхать на мостъ черезъ р. Терекъ) на землѣ Калмыкова, въ заросляхъ кустарника лежитъ рѣдкой величины аэролитъ, неизвѣстно когда упавшій; по крайней мѣрѣ мѣстные сторожилы — кабардинцы не помнятъ его паденія. Камень лежитъ въ ямѣ, со вдавленной имъ въ поверхности земли вдавленной глубиною около 2 аршинъ, выходя наружу до 1½ аршина. Сколько его лежитъ въ землѣ — неизвѣстно, но судя по силѣ паденія и скорости, съ какой падаютъ эти камни, надо полагать, что одна и не двѣ сажени: однимъ словомъ, нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ. Видимая наружная часть аэролита, имѣющая въ поперечникѣ, у основанія, около трехъ аршинъ, овальной формы, покрыта тонкой черной коркой, мѣстами какъ бы застывшей отъ плавленія. Внутреннее строеніе камня, судя по отбитому съ большимъ трудомъ куску, зернисто-губчатое, сѣроватаго цвѣта, чрезвычайно упругое и даетъ при ударѣ молоткомъ цѣлый онопъ голубоватыхъ искръ. Это чистое метеорное желѣзо съ механической примѣсью другихъ космическихъ веществъ. Аэролитъ этотъ, видимо, никѣмъ еще не изслѣдованъ, а потому и достоинъ тщательнаго изученія специалистами. Быть можетъ онъ окажется однимъ изъ величайшихъ доселѣ извѣстныхъ аэролитовъ земнаго шара.

Е. П. Савельевъ.

Камень лежит в яме, во вдавленной им в поверхности земли впадине, глубиной около 2 аршин, выходя наружу до $1\frac{1}{2}$ аршина. Как глубоко он лежит в земле – неизвестно, но, судя по силе падения и скорости, с какой падают эти камни, надо полагать, не одна и не две сажени; одним словом, несколько десятков тысяч пудов.

Видимая наружная часть аэролита, имеющая в поперечнике, у основания, около трех аршин, овальной формы, покрыта тонкой черной коркой, местами как бы застывшей от плавления. Внутреннее строение камня, судя по отбитому с большим трудом куску, зернисто-губчатое, сероватого цвета, чрезвычайно упругое и дает при ударе молотком целый сноп голубоватых искр. Это чистое метеорное железо с механической примесью других космических веществ.

Аэролит этот, видимо, никем еще не исследован, а потому и достоин тщательного изучения специалистами. Быть может, он окажется одним из величайших доселе известных аэролитов земного шара».

Аэролит – это устаревшее название каменного метеорита (камня космического происхождения). Никаких сведений о нем в архивных источниках больше не встречается. Отсюда можно сделать следующий вывод. Так как в год опубликования заметки началась Первая мировая война, далее произошла Октябрьская революция, то, с большой степенью вероятности, можно говорить о том, что означенный камень остался на том же самом месте, где и находился. В первую очередь в силу своего огромного веса. Ведь, если, к примеру, он весил минимально 20 000–30 000 пудов (у автора – «десятки тысяч пудов»), это означает (1 пуд равен 16 кг) 320–480 тонн. Неподъемная махина не только для техники тех лет, но и нынешней.

Аршин – мера длины, равная 0,71 м, следовательно, метеорит находился в 1913 году на высоте не более одного метра над землей, а с годами мог опуститься еще ниже и оказаться полностью скрытым растительностью. Автор заметки оставил примерные ориентиры нахождения аэролита (будем придерживаться его терминологии). Известно и то, где располагалось хозяйство землевладельца Нальчикского округа Василия Емельяновича Калмыкова (1859–1922), на земле которого лежал необычный камень.

Появилось желание найти этот удивительный камень, дабы выяснить, метеорит это или нет. Если подтвердится последнее,

данный артефакт станет местом притяжения многих людей, будет способствовать популяризации достопримечательностей Кабардино-Балкарии.

И чтобы не откладывать дела в долгий ящик, мы договорились об облете интересующего участка на вертолете. И вот такой полет состоялся...

МНЕ С НЕБА ВИДНО ВСЕ...

Евграф Петрович Савельев (1860–1919), донской учитель, писатель, поэт, историк, журналист, в своей заметке, напечатанной в «Записках Ростовского-на-Дону Общества истории, древностей и природы», дает весьма конкретные ориентиры нахождения «величайшего из доселе известных аэролитов земного шара». Напомним их еще раз: «Близ станции Котляревской железной дороги, в верстах 10 от нее, если ехать на мост через реку Терек», на земле Калмыкова».

В простоте данного описания таится немалая сложность. Станция Котляревская – здесь все понятно. С расстоянием – десять верст (понынешнему чуть больше километра, а если быть уж совсем точными – 1067) тоже все ясно. Как будто есть и еще одна подсказка: «если ехать на мост через реку Терек». Только вот слово «ехать» можно трактовать по-разному: понятно, что двигаться по направлению к мосту. Но вот докуда: до него или после него? И где был этот самый мост в 1914 году? И еще: один он был или нет?

С последним вопросом мы разобрались быстро: мостов имелось два: один для гужевого транспорта

Евграф Петрович Савельев

и нам не интересный, второй – железнодорожный. Причем он находился рядом с тем, что действует и сегодня; сохранились даже старые опоры.

Тогда где же конкретно? Если до моста, то получается, что примерно в районе станицы Котляревской. Но о десяти километрах здесь говорить не приходится – расстояние куда меньшее.

Если за мостом, то населенных пунктов (в разных направлениях) сразу несколько – Джулат, Куян, Арик...

Какой нужен нам?

Для начала решили опросить старожилов. И начали с той же Котляревской, где проживает бывший председатель колхоза «Красная нива» Михаил Михайлович Клевцов. Уйдя на пенсию, он занялся историческими разысканиями и за достаточно короткое время написал семь книг, практически не оставив в истории родных мест, привязанного к ним терского казачества белых пятен и неизвестных имен. Чего стоит хотя бы его монументальный труд «Родословные коренных котляревцев» (700 страниц большого формата!), написанный вместе с супругой Лилией Касимовной.

Настоящий гражданский подвиг и последняя работа – «История станицы Котляревской»: исследователем собраны сотни материалов о станице и станичниках, введено в научный оборот множество документов. Все книги Михаил Михайлович издает за свой счет – спонсором выступает его сын, живущий в Москве.

Когда руководитель администрации Майского района Александр Кислицин, с которым мы ездили по полям Майского района в поисках аэролита, предложил заехать домой к Клевцовым, мы засомневались. Были в курсе, что нынешний год не самый радостный для ветерана. Коварная болезнь подкралась незаметно, речь шла о жизни и смерти. Пришлось ампутировать ногу. Поэтому и не хотелось лишний раз беспокоить. Но, как оказалось, кроме Михаила Михайловича обратиться было не к кому.

Встретил он нас по-казацки – радушно, хлебом-солью. Уныния – не в одном глазу, наоборот – планы на будущее.

Но, к сожалению, о метеорите ничего не слышал. Более того – ничего ему не было известно о землевладельце Калмыкове, на земле которого лежал (лежит?) этот таинственный камень. Значит, земли эти находились не в окрестностях Котляревской и, вероятнее всего, даже не в Майском районе. Следовательно, «ехать

на мост» в понимании автора заметки об аэролите подразумевало направление, и искать надо за мостом.

Но посещение Михаила Михайловича не было напрасным. Мы все вместе, включив его компьютер, еще раз изучили гугловские космические карты местности и убедились – идем в правильном направлении. Тем более что в этом случае история с метеоритом стала подтверждаться и народной молвой. Но об этом расскажем чуть ниже.

А пока появилась возможность пролететь над этими местами на вертолете. Дело в том, что в курсе наших поисков оказался Руслан Панжоков – в прошлом профессиональный гражданский летчик, продолжающий и поныне летать, но на вертолетах. У него есть вертолетная кампания из шести машин, местом базирования которых является аэродром под селением Кишпек.

Руслан и предложил совершить такой облет. С одной стороны, визуальный осмотр не помешает, а может, и выявит что-то. С другой – можно задействовать технические средства, в частности, магнитометр. Последние цифровые разработки этих приборов отличаются от обычных компасов, как машина от телеги. В частности, феррозондовый магнитометр-градиентометр позволяет делать 10 тысяч измерений магнитного поля в секунду, производить их статистическую и математическую обработку, фильтровать ненужные аномалии (металлический мусор) в любом количестве и масштабе.

Самое интересное, что такой полет состоялся уже на следующий день после предложения Руслана. После выполнения всех формальностей, а их великое множество в вертолетном деле (что объяснимо – речь идет о безопасности движения), мы выдвигаемся в сторону Кишпека.

За какие-то 15 минут техники подготовили вертолет к вылету. Ми-2 – надежная машина: разработана в СССР, собиралась в Польше, входившей в 70-х годах прошлого года в социалистическое содружество. Его крейсерская скорость – 160 км, потолок подъема – 4000 м; может брать 6–7 пассажиров, но сегодня лишь один из авторов этих строк. Лет вертолету немало – завершает четвертый десяток, но при соответствующем обслуживании, как утверждает Панжоков, служил, служит и будет служить.

...Руслан запрашивает погоду и, услышав, морщится: солнце солнцем, но в интересующем нас районе густая облачность. Тем не менее взлетаем. Причем легко, мягко; если бы не гул моторов, можно было бы посчитать, что едем на автомашине.

Действительно, над всей территорией, где предположительно может находиться аэролит, сплошная облачность. Местами, правда, она расходится, но в этих «пятнах» ничего интересного не заметили. За исключением ямы, своими очертаниями напоминающей кратер.

Так что с визуальным осмотром мы, извините за каламбур, пролетели. Но, тем не менее, зафиксировали координаты двух точек, где в ямах находятся какие-то объекты.

Теперь предстоит осмотреть их, так сказать, вживую. Тем более что подоспели и запрошенные в Государственном архиве КБР данные о том, где располагались земли Калмыкова...

МЕТЕОРИТОВЛАДЕЛЬЦЫ КАЛМЫКОВЫ

Калмыков – фамилия знаковая, сама за себя говорящая. До сих пор ломаются копыя относительно того, на каких весах взвешивать сделанное главным большевиком Кабардино-Балкарии. С одной стороны, огромная созидательная работа по вытаскиванию местного населения из феодального болота, с другой – неисчислимое количество душ, отданных молоху новой власти, яростным адептом которой он был.

Наш рассказ тоже о Калмыкове, но не революционере, а землевладельце, причем достаточно крупном. Был такой до революции в Кабардинском округе – Василий Емельянович Калмыков. Но, будем честными, кто из читающих эти строки слышал о нем? Тем более знает, кем он был? Да и мы вспомнили эту фамилию только потому, что невиданной величины аэролит лежал, как сообщалось в «Записках Ростовского-на-Дону Общества истории, древностей и природы», «на земле Калмыкова».

И чтобы найти метеорит, надо выяснить, где находились угоды землевладельца. Самый простой способ – запросить имеющиеся документы в Архивной службе КБР, что по нашей просьбе

сделала архивист Наталья Бальжашова.

Документов оказалось немало, и в целом ряде присутствовала интересующая нас фамилия. В частности, в «Списке владельцев частных земель и количестве отмежеванной им земли за 1910–1914 гг.», в «Алфавитной книге владельцев земли за 1915 г.», в «Списке ското-промышленников, проживающих в районе 4-го участка Нальчикского округа за 1915 г.». Но что нам это дало? Узнали только количество гектаров (219 га), находящихся в собственности Калмыковых (Василия, Дементия и Якова), а где конкретно они, эти земли, располагались, осталось неясным. По той причине, что отсутствуют как таковые земельные планы, привязанные к местности.

Сам собой возник вопрос, каким образом в Нальчикском округе оказались братья Калмыковы? И вот что выяснилось. Отец братьев – Емельян Васильевич Калмыков проживал в Таганроге. В начале второй половины XIX века вместе с многочисленной семьей приехал на Кавказ. Дело в том, что Калмыковы были молокане. Напомним, что это не только разновидность духовного христианства, но и особая этнографическая группа русских. В Российской империи молокане были отнесены к «особенно вредным ересям» и достаточно долго преследовались властью.

В 1850-х годах Е. В. Калмыков обосновался в селении Бароково, которое относилось на тот момент к станции Котляревская Владикавказской железной дороги. В 1859 году у него родился сын Василий.

Василий Емельянович Калмыков (1859–1922) человеком был весьма интересным, о котором стоит знать и помнить, ведь он

Емельян Васильевич Калмыков.
1885

Василий Емельянович Калмыков и Татьяна Захаровна (Калмыкова). Владикавказ, фотограф А. Джанаев-Хетагуров. 1910

Полина Васильевна Калмыкова (Струкова), Елена Васильевна Калмыкова (Харитоновна), Мария Петровна Струкова. 1909

родился и большую часть своей жизни прожил на нашей земле. Работящий, как и все Калмыковы, он даже в пожилые годы трудился в хозяйстве от рассвета до заката. Его руки не чурались самой черновой работы – на земле ли, со скотом ли – справлялся так, что любо-дорого было посмотреть. Богатство, нажитое ежедневным трудом, ничуть не изменило его отношение к крестьянскому труду, не подвигло к бездельничанью.

Так же он воспитывал и своих детей, а было их у Василия Емельяновича с Татьяной Захаровной десять (по другим данным девять) – Иван, Полина, Василий, Елена, Яков, Дмитрий, Вера, Федор, Илья и Надежда. Детей было принято называть уменьшительными именами: Елену – Линой, Дмитрия – Миней, Марию – Маней, Павла – Паней...

Работали все, включая самых младших. Девочки не только обучались швейному мастерству, но и наравне с парнями могли справиться с упряжью лошадей. Барство не то что не приветствовалось, а наказывалось. Семейное предание сохранило следующий эпизод. Как-то Василий Емельянович вернулся из Ирана, где семье принадлежала недвижимость, и, естественно, привез всем подарки. Младшей дочери – платью. Только вот фасоном не угодил, да и ткань не понравилась («колется, мол», фыркнула папина любимица). Отец не стал оправдываться, молча отобрал платье и позвал в дом дочку наемных работников. «Как тебе платье? – спросил и, получив ожидаемый ответ, протянул обновку девочке: – Бери, оно твое». К этой теме больше не возвращались; родная дочь осталась без платья, но урок извлекла на всю жизнь: цени, что есть, право на каприз нужно заслужить не характером, а отдачей. Впрочем, никакие капризы не поощрялись, и выросли дети Василия Емельяновича трудолюбивыми, ответственными, уважительными к труду и людям труда.

Заняты были в коневодстве (разводили племенных лошадей) и овцеводстве, на мельнице и маслобойке, кирпичном и черепичном заводах, торговали зерном, перегоняли лошадей в Турцию и Иран. И отнюдь не все складывалось благополучно – по семейным преданиям, один из сыновей в подростковом возрасте погиб (был застрелен) в горах при перегоне скота. Другой, спасая брата, утонул. Третий, будучи в Иране, подхватил инфекцию и с болез-

нью не справился. Там и похоронен по православному обряду. Умерла в девичестве и одна из дочерей.

Все Калмыковы учились, окончили гимназии, которые давали среднее образование, а двое (старшие сыновья) – Московский коммерческий институт, ныне известный как Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

Интересно и то, что все Калмыковы обитали все вместе. Здесь Василий Емельянович был категоричен и тверд: «Пока я жив, будете жить, как поселил – все под одной крышей».

Из вышесказанного кое-кто может сделать вывод, что для В. Е. Калмыкова не существовало ничего кроме работы. Это абсолютно не так. Был он заядлым театралом, более того, театральные постановки в калмыковском доме осуществлялись постоянно. Причем заняты в них были практически все дети, а Василий Емельянович выступал в роли ведущего. Опираясь на трость, он занимал место около импровизированной сцены и вел очередной спектакль.

А еще он был большим любителем цветов. Не припомнят случая, чтобы из своих многочисленных поездок, в том числе за границу, он не привозил семена и черенки необычных растений, высаживал их и заботливо ухаживал.

Что еще известно о нем? В кругу его знакомых были весьма известные личности, в частности, знаменитый русский промышленник и предприниматель Матвей Сидорович Кузнецов, чьи непревзойденные фарфоровые изделия столь ценятся сегодня. В. Е. Калмыков, как землевладелец Нальчикского округа, был допущен к выборам в Государственную думу (1906), являлся почетным блюстителем Тамбовского хуторского общества во Владикавказе, членом совета Терского общества сельского хозяйства и сельхозпромышленности (1911–1912). Жил Василий Емельянович на несколько домов – помимо Бароково и Владикавказа имелся у него дом на четыре семьи и в Нальчике. Будто бы даже сохранился и по сей день, но где он находится и так ли это на самом деле, выяснить не удалось.

А еще у Василия Емельяновича было три брата: Яков, Дементий, Иван и сестры, о которых ничего неизвестно. Все – молоко-не, причем истовые: собрания посещали регулярно, вере своей не изменяли.

В 1921 году умерла супруга В. Е. Калмыкова – Татьяна Захаровна, о которой известно, что она знахарствовала, причем весьма успешно. Но приходилось ей это делать втайне от мужа, который подобное занятие не приветствовал, более того – запрещал.

Ушел Василий Емельянович Калмыков из жизни через год после супруги – в 1922-м.

Вот на чьих землях лежал аэролит, поисками которого мы занимаемся. Но где же находились эти земли? Вероятно, там, где располагался его хутор, а он, согласно Терскому календарю за 1908 год, был приписан к 4-му участку (ст. Муртазово, Владикавказ. ж. дор.) и относился к Бароковскому сельскому правлению. И тут нам стало ясно, где надо искать. Ведь Бароково – это нынешнее селение Арик Терского района, от жителей которого не раз слышали об упавшем некогда в этих местах метеорите. Слышать то слышали, но никак не соотносили, что арикский метеорит и тот, что описан Евграфом Петровичем Савельевым, суть одно и то же.

АРИКСКИЙ ФЕНОМЕН

 том, что в окрестностях селения Арик лежит метеорит, один из нас из услышал много лет назад. Если не путаем, еще в 70-х годах прошлого века, когда работал в республиканской «молодежной» газете. Но слухи эти были какие-то, выразимся так, несерьезными, что ли; говорилось об этом с определенной долей юмора: лежит и лежит себе камень, упавший будто бы с неба, никому не мешает, дела до него никому нет. Но вот где именно лежит, и на самом ли деле это метеорит, как-то не задалось узнать.

Вспомнили о метеорите только через пару десятилетий, когда начали разрабатывать тему необычных явлений, происходивших на территории Кабардино-Балкарии. Приехал в Арик, завел разговор о «небесном госте», и меня сразу поняли, и, ничего не переспрашивая и не уточняя, отвезли на окраину селения, к карьере. Здесь на склоне лежал и лежит каменный валун, покрытый словно бы обгоревшей коркой. Размеры его совсем небольшие,

точно определить затруднительно, так как камень ушел в землю, но примерно они таковы: метр с небольшим в ширину и чуть больше в длину.

Но самое главное, камень лежит на склоне горы. Ни о каком кратере и речи идти не может. Это и смутило сразу, ведь по описанию Евграфа Савельева «камень лежит в яме, во вдавленной им в поверхности земли впадине, глубиной около 2 аршин, выходя наружу до 1 1/2 аршина. Как глубоко лежит в земле – неизвестно, но «...надо полагать, не одна и не две сажени». Сажень – древнерусская мера длины, приравненная сегодня к 2 метрам; в одной сажени три аршина. Но показанный нам камень никак не подходил под эти параметры.

Так в чем же дело? Остается предположить, что в силу какого-то рода причин место нахождения настоящего метеорита со временем оказалось забыто. И в дальнейшем с ним стали соотносить другой камень, внешним видом, возможно, напоминавший тот, о котором писал Е. Савельев. Той же обгоревшей коркой. С годами в сознании сельчан за этим камнем, лежащим на склоне горы, закрепилось определение «метеорит». Да еще как закрепилось! В селении поведали историю о том, что в 60-х годах прошлого века около камня разбили палатки члены ленинградской экспедиции. И находились они здесь не день и не два: кто говорит месяц, кто – две недели. Нужно ли было столько времени, чтобы подтвердить земное происхождение данного камня, или столь приглянулась исследователям арикская природа, неведомо. По нам, следуя за автором сообщения «Редкой величины аэролит», достаточно было постучать по нему молотком и увидеть, есть или нет «целый сноп голубоватых искр».

Мы это проделали, причем неоднократно, и поняли: «чистое метеорное железо с механической примесью других космических веществ» в этом камне не присутствует.

Судя по всему, к такому же выводу пришли и заезжие товарищи. Говорят об этом не отчеты экспедиции, которые (если они были, конечно) нам недоступны, а тот факт, что местные жители рассказывают о вертолете, который (уже после наземной экспедиции) долго кружил над окрестностями селения в поисках ...метеорита.

И вот что еще выяснилось в процессе общения с арикцами. Будто бы метеорит был на самом деле не один. Упало их одно-

временно два – один в Майском районе (по нынешней территориальной принадлежности), а другой в Терском. Их так и называли – Котляревский и Арикский. Если это так (а народная память в данном случае должна на чем-то базироваться), то, скорее всего, это был один и тот же метеорит, но расколовшийся в полете на две части.

Другой вопрос, почему об этом неординарном происшествии не осталось никаких документальных следов? И хоть Е. Савельев пишет, что «местные старожилы кабардинцы не помнят его падения», но это вовсе не означает давность события. Скорее всего, оно произошло в пределах XIX века. Астемир Мамхегов, математик по своей первой профессии и историк по увлечениям, сообщил нам, что, работая в архиве Владикавказа, в одной из папок «Происшествия по Терской области» наткнулся на сообщение о падении метеорита. Ругает себя, что не придавал ему значения, не сделал выписки, в каком фонде находится. Планирует исправить свою ошибку, хотя таких папок многие десятки (их собирали начиная с 1869 года), и для того, чтобы просмотреть все, потребуется время, и немалое.

Публикация в одной из республиканских газет о метеорите заинтересовала многих. И не только в контексте местонахождения метеорита. Случилось вообще нечто удивительное. Позвонила женщина, нальчанка Светлана Григорьевна Еремеева, и сказала, что автор заметки Евграф Петрович Савельев ее ...дед. А точнее – отец ее матери Юлии Евграфовны Савельевой. Но ведь он оказался в наших местах проездом, а постоянно проживал в Донской области? Какими же неисповедимыми путями его внучка оказалась в Нальчике?

И вот что выяснилось при встрече, на которую Светлана Григорьевна пришла со своим мужем Владимиром Ивановичем Еремеевым, всю жизнь – после окончания в 1960 году знаменитой школы альпинизма братьев Абалаковых – проработавшего в системе туризма: на турбазах «Чегем», «Эльбрус», «Долинск».

Евграф Петрович Савельев родился 10/22 декабря 1860 года в станице Константиновской Донской области в потомственной казачьей семье. Из дворян Войска Донского (ВД). С 1880-го по 1894 год служил приходским учителем, с 1895-го по 1911 год –

делопроизводитель областного правления ВД, откуда ушел в отставку в чине надворного советника.

В последние годы Е. П. Савельев целиком посвятил себя творчеству. Наиболее известные его работы: «Типы донских казаков и особенности их говора» (1908), сборник стихотворений «Казак» (1909), историческое исследование в шести выпусках «Древняя история казачества» (1913–1918), исторические драмы «Степан Разин» и «Булавин и Некрасов» (обе вышли в 1917 году).

Дата смерти Е. П. Савельева неизвестна. Считается, что это произошло в 1930 году, так как именно тогда в Новочеркасске вышли сразу три его брошюры по археологии: «Курганы и шляхи р. Маныч», «Городища дельты Дона», «Городища нижнего Дона». Но, скорее всего, к тому времени Евграф Петрович уже лет десять, если не больше, как покоился в земле. И год издания брошюр к его уходу из жизни никакого отношения не имеет – какими-то окольными путями они оказались в издательстве и увидели свет. Так, отталкиваясь от воспоминаний своей матери, считает его внучка.

Вот, буквально штрихами, вехи ее биографии. Родилась в 1936 году в Краснодаре. Отец – Григорий Андрианович Бочаров, был железнодорожником, в годы войны служил в железнодорожных войсках. Мать – Юлия Евграфовна Савельева работала бухгалтером на заводе «Севкавэлектроприбор» (СКЭП), откуда и ушла на пенсию. В Нальчик родители перебрались в 1948 году: отцу по состоянию здоровья требовалось сменить климат, а в нашем городе проживал его брат.

Сама Светлана Григорьевна 1936 года рождения. Училась в женской средней школе № 1 – она располагалась на улице Шогенцукова, напротив нынешнего ГКЗ. Окончила Грозненский нефтяной институт, по направлению поехала в Фергану. В 1962 году вернулась в Нальчик, устроилась на машзавод, где и проработала 30 лет до ухода на пенсию.

О своем знаменитом деде знала от матери, прилежно хранившей печатные работы отца – брошюры по археологии, стихотворный сборник, вторую часть исторической драмы «Степан Разин». Эти книги и сейчас в семейном архиве Светланы Григорьевны. Будучи в 1976 году в командировке в Новочеркасске, она случайно оказалась в краеведческом музее. И была потрясена, узнав

на одной из фотографий своего деда, чье лицо было знакомо ей по семейному альбому. Е. П. Савельеву посвящен в музее целый стенд, выложены его книги.

Внучка испытала настоящую гордость за предка. После отъезда написала руководству музея, предложила безвозмездно передать имеющиеся у нее книги и материалы, но ответа не получила. Книги деда так и остались в семье и сейчас хранятся у детей Светланы Григорьевны и Владимира Ивановича.

А что касается метеорита, то эта история получила продолжение сразу после описанной встречи. Позвонил житель Арика Аркадий Исмагилович Егужоков и сказал, что он знает, где находился небесный посланник. Ему об этом рассказывал перед смертью старейший житель селения Тута Ахметов.

После этого раздалось еще два звонка от сельчан с предложениями показать аэролит...

Виктор Георгиевич Саенко у камня на окраине сел. Арик, который многие считали метеоритом

МОЛОКАНСКИЕ СВЯЗИ НЕБЕСНОГО ГОСТЯ

Если честно, мы были уверены, что история с арикским метеоритом так и останется незавершенной: да, что-то с неба когда-то упало. Но как упало, так с годами и пропало. Правда, за прошедшие десятилетия обросло самыми невероятными подробностями и домыслами.

Очередная поездка в Арик. Теперь на встречу с В. Г. Саенко, жителем города Майского. Встречаемся на окраине селения, где, по детской памяти Виктора Георгиевича, они с мальчишками проводили время у огромного камня, совершенно необычного для этих мест. Похожих на него просто нет, да и других подобного размера поблизости не встречается.

Камень действительно огромен и именно этим вызывает к себе недоверие. Сразу вспоминаются строки из заметки Евграфа Петровича Савельева: «Видимая наружная часть аэролита, имеющая в поперечнике, у основания, около трех аршин, овальной формы, покрыта тонкой черной коркой, местами как бы застывшей от плавления. Внутреннее строение камня, судя по отбитому с большим трудом куску, зернисто-губчатое, сероватого цвета...»

Какие три аршина, то есть чуть более двух метров! Тут раза в три больше. Кроме того, камень практически целиком находится на поверхности. Это настоящий гигант, неизвестно когда и какими путями оказавшийся на Кабардинской равнине. Можно только предполагать, что произошло сие многие тысячелетия назад.

Правда, вот отбить от этого камня совсем маленький кусочек стоило немалых трудов – молоток отскакивал от гиганта, как от упругого мяча, практически не оставляя на нем следов.

Внутри камень оказался серого цвета, и строение его напоминало зернистое. Но такое же у многих камней, что вовсе не свидетельствует об их космическом происхождении.

С одной стороны селения Арик мы переехали на противоположную, где нас уже ожидал Аркадий Исмагилович Егужоков. Тот самый, что узнал о небесном посланнике от старейшего жителя селения Туты Ахметова. Тута умер сравнительно недавно, но родился, как говорят сельчане, в конце XIX века и знал в окрестностях Арика каждую кочку.

Привел нас Аркадий, что было ожидаемо, к знакомому камню на склоне горы.

Мы еще раз постояли около него, постучали молотком. В отличие от прошлого раза, после одного из ударов вылетел целый сноп оранжевых искр, словно железо соприкоснулось с железом. Магнитометр, оказавшийся в смартфоне одного из наших спутников, показал наличие у камня слабых ферромагнитных свойств.

Заинтересовал эпизод, рассказанный Аркадием Егузовым. Он вспомнил, что в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века появился в Арике некий приезжий. Попросил его показать этот самый камень, у которого мы стоим, а когда его привели, повел себя необычно. Упал на землю, прижимался к камню, обнимал его и плакал: «Слезы так и текли по его лицу».

Рассказ этот вызвал определенное недоверие, более того – сомнение в своей достоверности: кем был этот человек, откуда взялся, почему плакал? Но вот что удивительно: уже через час эпизод этот нашел определенное подтверждение. И опять не

В. Я. Молоканов (крайний слева) с товарищами. Снимок сделан 4 июня 1915 года, когда Владимир Яковлевич ездил в Балашов забрать на Кавказ свою мать Афнасию Силантьевну Молоканову

обошлось без участия читателей республиканской газеты. Более того: именно благодаря им история с метеоритом обрела ясность и законченность.

...Буквально сразу после возвращения из Арика в издательство пришел гость. О нем – преподавателе КБГУ Олеге Артемовиче Молоканове мы мало что знали: собирались вместе в одну экспедицию по окрестностям Нальчика (к монастырю на Сарай-горе), но до нее дело так и не дошло. Но и из мимолетного общения можно было сделать вывод об образованности, обширном круге интересов Олега, его умении образно описывать увиденное.

Вот и сейчас он с места в карьер приступил к главному: «Мне кажется, я могу быть вам полезен в истории с арикским метеоритом».

Начал Олег разговор с того, что газет не читает. Не принципиально – просто нет времени. Но, зная его интерес к молоканам – сама фамилия говорит о родовых корнях Олега, – товарищ по работе (кстати говоря, тоже носящий фамилию Калмыков) подсунул ему статью «Метеоритовладельцы Калмыковы» («Газета Юга», 24 декабря с.г.). Калмыковы, напомним, были молоканами, и веры своей не предали. Молоканином – по происхождению, что легко предположить по фамилии, но не по вере (нерелигиозен) был и дед Олега – Владимир Яковлевич Молоканов. История его представляет в нашем случае двойной интерес – она имеет отношение и к Калмыковым, на земле которых лежал метеорит, и, что вообще удивительно, непосредственно к самому метеориту.

Какими путями оказался в наших краях В. Я. Молоканов? По паспорту он 1894 года, но, как говорила его супруга, бабушка Олега, на самом деле годом моложе. Родился в Саратовской губернии, в молоканском хуторе, относящемся к селу Бык Балашовского уезда. Юношей перебрался в уездный город Балашов. Человек был заводной, легкий на подъем, решения принимал быстро, а главное, редко передумывал. Так в 1913 году решил переехать на Кавказ, где, как утверждали балашовские молокане, житье покраще и люди получше.

Собрался, двинулся в дорогу и оказался в Нальчикском округе, где и встретился ему В. Е. Калмыков. Устроился к нему в хозяйство на работу. А совсем скоро, через год с небольшим, стал управляющим, несмотря на свой юный возраст. В 1915 году

съездил в отпуск на родину, забрал к себе мать Афнасию Силантевну.

В. Е. Калмыкову новый работник пришелся по душе – землю любил, особенно интересовался зерноводством; здесь интересы его и хозяина сошлись. И в том, что калмыковское хозяйство в эти годы становится одним из самых известнейших не только в Кабардинском округе, но и на Северном Кавказе, как теперь ясно, немалая заслуга В. Я. Молоканова.

Кстати говоря, был Владимир Яковлевич личностью весьма разносторонней. Уже через пару лет кабардинский язык знал не хуже русского; более того, говорил на безукоризненном малокабардинском диалекте. Побывал во всех населенных пунктах Малой Кабарды, знал все фамильные ветви проживавших здесь. Заимел множество друзей, с которыми поддерживал тесные отношения десятилетия. После революции его знания пригодились и новой власти – до 1939 года трудился начальником отдела в Малокабардинском обществе Каббалкпотребсоюза.

А еще его отличало редкое предчувствие. В конце двадцатых советская власть массово отправляла желающих, среди которых было много молокан, в Аргентину. В 1928 году В. Я. Молоканов и его родные в прямом смысле слова сидели на чемоданах. Но ходили слухи, и, вероятно, они имели под собой основание, что не все пароходы довозили переселенцев до Южной Америки. В последний день Владимир Яковлевич сдал билеты, и вся его семья осталась в Кабардино-Балкарии. Напомню, что к этому времени Василий Емельянович Калмыков уже шесть лет как умер, а многочисленные дети и внуки его, всего через год после неотъезда их бывшего управляющего в Аргентину, бросили незапертыми свои многочисленные дома и хозяйские постройки. И в ночь, никому, даже соседям, ничего не сказав, погрузив на телеги скарб, который те могли увезти, спасаясь от преследований местных большевиков, выехали из КБАО в неизвестность.

Неизвестностью оказалась Средняя Азия, но это уже другая история.

И вот какое, со слов Олега Артемовича, она имела продолжение. Где-то в годах 1963–1964-м в калитку дома деда по адресу Первомайская, 73/87 (последние цифры означали нумерацию по улице Кабардинской) постучали.

Олег, на тот момент школьник, открыл калитку и увидел незнакомого деда. «Туда ли я попал? – спросил он. – Ищу Молоканова Владимира Яковлевича».

На зов внука дед вышел, всмотрелся в лицо незнакомца и замер...

Олег вспоминает, что два пожилых человека стояли так достаточно долго. По их лицам текли слезы, а они, казалось, не могли наглядеться друг на друга. Потом обнялись и несколько часов провели за столиком в беседке в разговорах. Тогда-то и узнал Олег, что гость – один из сыновей Василия Емельяновича (имя мальчик не запомнил). Он и Владимир Яковлевич были близкими друзьями – много времени проводили в общении, особенно сблизил их рыбалка. В 1929 году все Калмыковы выехали в Ташкентскую область. И все эти годы сын Василия Емельяновича мечтал побывать на родине. Но удалось это только сейчас, когда по профсоюзной линии ему предложили путевку в один из санаториев Нальчика. Через адресное бюро он нашел адрес В. Я. Молоканова, и вот эта встреча, состоявшаяся через многие десятилетия...

Рассказал Олег и еще об одной беседе, проходившей в этой же самой беседке, при которой он присутствовал; более того – запомнил в деталях суть разговора. Встреча эта имеет самое прямое отношение к поискам метеорита, а конкретно – его местонахождению.

И вновь стук в калитку. Олег (на тот момент – сентябрь 1974 года – он работал в Высокогорном геофизическом институте) открывает и видит незнакомого человека средних лет. Тот тоже разыскивает Владимира Яковлевича. А дальше выясняется следующее. Оказывается, гость (Олег запомнил только его фамилию – Сабанеев) приехал из Ростова по следующему поводу. В газете «Терские ведомости» за 1908-й или за 1909 год (Олег утверждает, что речь шла именно о газете, а не о «Записках Ростовского-на-Дону Общества истории, древностей и природы») он прочитал о падении в Терской области метеорита.

Заинтересовался, поехал в Арик, но метеорита не нашел. Тогда кто-то из стариков посоветовал обратиться к Владимиру Яковлевичу, помня, что тот был управляющим у Калмыковых и может помочь в поисках. Так Сабанеев оказался в Нальчике.

Где лежит небесный странник, Молоканов не знал, но помнил разговоры об упавшем с неба камне. Да и все калмыковские вла-

дения он знал отлично, поэтому был уверен в успешности поиска.

Гость, имевший на руках билет на поезд в Ростов-на-Дону, уехал. А Молоканов вместе с сыном Игорем, бывшим летчиком-фронтовиком, а в мирное время – научным сотрудником Высокогорного геофизического института, прихватив с собой молоток и фотоаппарат «Зоркий-4», выехали на «Запорожце» сына в Арик. Поговорив со стариками, отправились на поиски, но до конца светового дня «шарахнувший с неба камень» найти не смогли.

Первого октября 1974 года выехали повторно, и достаточно быстро им повезло. Написали письмо Сабанееву. Тот приехал. Вот когда обрел ясность рассказ, поведенный Аркадием Егужоковым: о приезде, плакавшем и обнимавшем камень. Вероятно, это и был Сабанеев.

Как помнит Олег, кого эта история взволновала в силу интересов и избранной профессии, ростовчанин отнес образцы в Кабардино-Балкарский филиал Северо-Кавказской комплексной геологоразведывательной экспедиции, располагавшийся на тот момент на улице Чернышевского. Был сделан спектральный анализ, который показал, что арикский камень на самом деле упал с неба.

Дальше Сабанеев написал заявку в комитет по метеоритам АН СССР; отсюда пришло свидетельство о регистрации. Фотографии шлифов, как и одну из ленточек спектрального анализа, Сабанеев оставил Владимиру Яковлевичу. Но со временем последняя затерялась.

Свидетельство о регистрации видел еще один человек – Александр Иванович Коленов, к сожалению, уже ушедший из жизни. Он преподавал астрономию в КБГУ, ученой степени не имел, но знаниями обладал изрядными. Олег в 1979 году спрашивал у Коленова, известно ли ему достоверно о получении регистрационного свидетельства. Коленов ответил, что свидетельство Сабанеев получил, он его видел лично.

...Олег закончил свой рассказ. Повисло напряженное молчание.

– Так где же находится метеорит? – не выдержали мы.

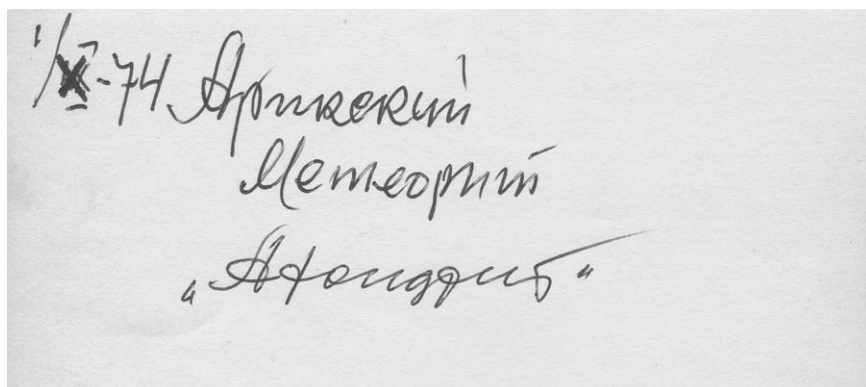
– Не знаю, – ответил Олег. – Я же сам его не видел. Только на фотографиях, которые сделал мой дядя Игорь Владимирович.

– Как? Фотографии метеорита сохранились?

Словно испытывая наше терпение, ноутбук Олега загружался невероятно медленно. Наконец, на экране возникло изображение. Вначале обратная сторона фотографии, на которой стояла дата 1 октября 1974 года, а рядом подпись: «Арикский метеорит. Ахондрит».

А потом и черно-белая фотография самого камня с лежащим на нем молотком.

Мы взгляделись, и все стало ясно...

ОН НАЗЫВАЕТСЯ АХОНДРИТ

Все-таки арикским метеоритом оказался именно тот камень, который лежит на склоне за селением. Именно его образцы исследовали в Кабардино-Балкарском филиале Северо-Кавказской комплексной геолого-разведывательной экспедиции, именно на него из Комитета по метеоритам АН СССР пришло свидетельство о регистрации. Но за неполные пятьдесят лет все забылось и исчезало, а камень остался. На том же самом месте, где и упал.

Метеорит этот относится к классу ахондритов. Вот что можно узнать о нем из информации, размещенной на сайте «Лаборатория метеоритики» Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН: «Метеориты по вещественному составу подразделяются на три класса: каменные, железокаменные и железные. Каменные состоят в основном из силикатов (оливина и пироксена). В железных метеоритах преобладающая фаза – никелистое железо. Железокаменные метеориты состоят из силикатов и никелистого железа примерно в одинаковых пропорциях.

Каменные метеориты делятся на два подкласса: хондриты и ахондриты.

Хондриты получили свое имя благодаря тому, что они все (за редкими исключениями) содержат хондры – сфероидальные образования преимущественно силикатного состава. Большинство хондр имеет размер менее 1 мм в диаметре, но некоторые могут достигать и нескольких миллиметров. Хондры находятся в обломочной или мелкокристаллической матрице.

Хондриты являются наиболее примитивными из всех известных метеоритов. Особенности их вещественного состава и структуры определяются процессами конденсации, испарения и аккреции минерального вещества в солнечной небуле. Возраст хондритов оценивается в 4,5 млрд лет.

Около 10 % всех каменных метеоритов образуют подкласс ахондритов. Ахондриты лишены хондр и состоят из вещества, образовавшегося в результате процессов плавления и дифферен-

циации протопланетных и планетных тел. В этом смысле ахондриты аналогичны земным магматическим породам.

Хондриты, ахондриты, железокосменные и железные метеориты в свою очередь подразделяются на группы и подгруппы.

Подавляющее большинство метеоритов поступили на Землю из астероидного пояса. В то же время среди метеоритов были идентифицированы фрагменты пород Луны и Марса.

По характеру обнаружения все метеориты делятся на падения и находки.

Падениями считаются метеориты, собранные сразу же после наблюдения торможения метеоритного тела в земной атмосфере. В случае метеоритных дождей дополнительные экземпляры нередко находят в течение долгого времени после падения.

Статистика падений дает количественную оценку потока, поступающего на Землю космического вещества. Каменные метеориты составляют большинство (92,8 %) падений, причем в основном это хондриты (85,7 %). Ахондриты, железные и железокосменные метеориты составляют 7,1, 5,7 и 1,5 % соответственно. Таким образом, подавляющее большинство падающих на Землю метеоритов – хондриты».

Что дальше? Дальше предполагается перевезти арикский метеорит в Нальчик и установить в месте, удобном для посещения. Нет сомнения, что паломничество к небесному гостю обеспечено постоянное; будет он запечатлен на множестве фотографий жителей и гостей Нальчика, станет, вероятно, еще одним его символом.

Мы же планируем продолжить свои поиски – ведь, напомним, сохранились предания, что метеоритов было два (вернее один, но разделившийся в процессе падения на два) и о втором, упавшем в Майском районе, ничего так и неизвестно. Сегодня ясно одно: надо искать камень, похожий (по структуре и внешнему виду) на арикский.

Но самое невероятное, что в процессе арикской эпопеи на терской земле был найден еще один метеорит. И это не выдумка и даже не шутка...

И В ВЕРХНЕМ КУРПЕ СВОЙ ПОСЛАНЕЦ

В курсе поисков арикского небесного гостя был и один из основных наших информаторов, егерь Джабраил Гуважоков. Он и поведал еще об одном метеорите, который упал на поле за селением Верхний Курп. Впрочем, историю эту он узнал от своего отца Хамтахо Шокудзевича Гуважокова. С его слов – мы встретились с ветераном (он 1935 года рождения) – мы и поведем рассказ.

Итак, в одну из ночей 1946 года верхнекурпцы проснулись от страшного грохота. Как выяснилось позже, на одно из полей поблизости от селения упал с неба камень. К нему сразу потянулись жители – смотрели, трогали, ахали-охали. Но детей, как рассказывал Хамтахо, не подпускали. Пугали их тем, что камень запустил с неба шайтан, а посему «подарок» может быть и заразным. Но сами взрослые камень не только трогали, но кое-кто даже отбил от него кусочек.

Гуважуков вспоминает, что камень высотой был ему по грудь – получается, что около 120 сантиметров в длину; в ширину примерно таким же. Цвет коричневато-бардовый, внутри, сверху – обожженная черная корка.

Каким он был внутри, стало ясно после того, как от камня отбили довольно большой кусок. Будто бы это сделали люди, приезжавшие из Нальчика. Хамтахо описывает их как красиво одетых, а самое главное, что запомнил десятилетний мальчик, – в галстуках! Вещь для того времени на мужчинах непривычная.

После приезда тех людей прошло время, а камень по-прежнему оставался в поле. За ним никто не приехал, им никто не интересовался. Спал интерес к камню и у сельчан. Вначале к нему еще ходили, водили гостей села, а потом перестали – камень как камень, ничем от других не отличается, никаких чудес от прикосновения к нему не происходит.

Но вот колхозникам небесный гость оказался как кость поперек горла: один из лучших участков пашни мешал обрабатывать. По-

этому на правлении колхоза было решено запахать небесного гостя. Выкопали яму и с огромным трудом – вес камня оказался достаточно большим – с помощью упряжек, в которые запрягли быков, свалили небесного гостя в яму. А сверху – не более полуметра – завалили землей.

И все. Где лежит камень – забыли, да и само это происшествие ушло из памяти сельчан. А вот Хамтахо запомнил, более того, после приезда на место, примерно указал его. Но именно примерно.

На картах, сделанных из космоса, на этом месте действительно непонятное темное пятно. Его нам и предстоит определить на местности. Первая поездка не дала результатов, но впереди другие.

Верим, что к арикскому прибавится и верхнекурпский метеорит. И даже не один, а целых два. Но это уже совершенно другая история...

Джабраил Гуважоков с юными поисковиками

В роаи охотников за снежные человеки

ОТКУДА К НАМ ПРИХОДИТ АЛМАСТЫ

ПЕЩЕРА С «КАМАЗОМ» КОСТЕЙ

Кабардино-Балкария как «очаг раз-
множения» алмасты

Следы снежного человека в Приэльбрусье. 2015. Фото Наталии Беловой

ОТКУДА К НАМ ПРИХОДИТ АЛМАСТЫ

В начале 2016 года сразу несколько информаторов сообщили о том, что в верховьях Баксанского ущелья и по пути к нему – в районе Тызыла, Бедыка, Былыма на только что выпавшем снегу были замечены необычные следы: от 60 и более сантиметров, то есть в два раза больше человеческих.

По конфигурации ясно, что к медведям они не имеют никакого отношения. Версия розыгрыша тоже отбрасывается – шутить в это время года здесь никому и не над кем: егеря и пастухи внизу, в селениях. Получается, что только алмасты мог наследить. Самое интересное, что, прочитав наш пост в ФБ на эту тему, откликнулась Анастасия, дочь прохладянки Натальи Беловой, которая написала, что ее мама, будучи в Приэльбрусье, видела неизвестно чьи следы на снегу.

Огромные следы – до 70 сантиметров. Последние скорее всего принадлежат взрослой особи, а те, что вполовину меньше, детенышу, вероятно. И здесь подшутить никто не мог, так как следы располагались в стороне от людей, уходили цепочкой в лес. Впрочем, посмотрите сами на фотографии, сделанные Натальей, и делайте выводы. Со своей стороны скажем, что женщина эта большая любительница природы, по первому зову может сорваться и уехать в горы. Именно поэтому она неоднократно становилась свидетельницей весьма странных явлений, запечатлела на свой фотоаппарат ряд необычных объектов.

Какой можно сделать вывод из вышесказанного? Только один: снежные люди, о которых в последние годы не было практически никаких известий, возвращаются. Или, по крайней мере, дают знать, что они еще живут в наших горах. Алмасты продолжительное время скрываться от людей позволяют не только труднодоступные места, но, скорее всего, невероятно развитые экстрасенсорные способности. Те самые способности, с помощью которых они оказывают психическое воздействие на тех, с кем сталкиваются.

Отсюда ощущение, что реликтовые гоминоиды (так по-научному называют йети) действуют не сами по себе (в нашем архиве десятки свидетельств о том, что алмасты еще в 30–50-х годах прошлого века жили в кабардинских семьях, прислуживали людям, более того, зафиксированы факты сожительства, в частности, в селении Заюково), а выполняют чью-то волю.

Сами по себе они недостаточно умственно развиты, подвержены, как и люди, болезням, также как и они смертны. Но связуя воедино все известное о них, невольно приходишь к выводу, что снежными людьми двигает не только их разум и инстинкт, но и чья-то высшая воля. Впрочем, пока это только наше предположение...

И вот наша достаточно большая группа из пяти человек двинулась в Тызыл. Почему именно сюда? Дело в том, что знаменитая Жанна Кофман (подробнее о ней можно узнать из нашей обширной работы «Жанна Кофман в поисках алмасты», вошедшей в книгу «Таинственная Кабардино-Балкария». Нальчик, 2013) считала, что именно в этом ущелье скрывается неуловимый снеж-

ный человек. Начиная с 60-х годов прошлого века, на протяжении более четырех десятилетий исследовательница сама или с помощью своих учеников занималась его поисками. Вплоть до 2005 года, когда Жанна Иосифовна встретила в очередной летней экспедиции в Кабардино-Балкарии свой 86-й день рождения.

Да, она родилась 22 июля 1919 года в Париже. Жизнь прожила удивительнейшую! Ее отец, обрусевший француз, участник революционных выступлений 1905 года, был приговорен к смертной казни, но смог бежать в Италию. В годы Первой мировой войны вступил добровольцем во французскую армию. Потом вернулся из Франции в Советскую Россию, был репрессирован, сослан в лагерь. Мария-Жанна, его дочь, вместе со старшей сестрой приехала в СССР в начале 30-х годов. Жила в Москве, окончила медицинский институт, получила специальность «врач-хирург». В годы Великой Отечественной войны принимала участие в битве за Кавказ. В 1948 году сталинские репрессии коснулись и ее – шесть лет провела в лагерях.

Друзья-альпинисты познакомили ее с ученым Б. Ф. Поршневым – основоположником гоминологии – науки о снежном человеке. Борис Федорович включил Жанну в состав участников Памирской экспедиции Академии наук 1958 года по его поискам.

С этого времени поиски снежного человека стали главным делом Кофман. В 1960 году она организует в селении Сармаково Зольского района Кабардино-Балкарии базу экс-

Отпечаток ноги снежного человека, найденный исследователем Жанной Кофман в Кабардино-Балкарии. 1978, март

В. Макаров, исследователь феномена снежного человека

Розыгрыш, ставший классикой, – кадр из фильма Роджера Паттерсона и Боба Гимлина. Северная Калифорния. 1967

Р. Паттерсон и Б. Гимлин после съемок фильма

педиции, оснащая ее на свои личные средства (а это копеечная, в прямом смысле слова, пенсия и деньги, полученные от сдачи квартирантам московской квартиры) фотоаппаратурой, транспортом, коим был выдавший виды желтопузый «Запорожец». Именно из Сармаково она со своими добровольными помощниками, съезжавшимися со всех концов Советского Союза, совершала многочисленные экспедиции в поисках алмасты. В домике без малейших удобств она проводит только ночи, да и то не каждую; только забрезжит утро – поездки в ущелья Кабардино-Балкарии, встречи с очевидцами. Каждый день, с утра до вечера. Удивительнейшая самоотверженность. Опрошены сотни свидетелей, архив экспедиции – сотни и тысячи исписанных страниц, которые свидетельствуют: алмасты – реальное существо, неагрессивное, дружелюбное, мыслящее, не чурающееся общения. Внешнее отличие – полное отсутствие шеи, отчего голова практически не поворачивается; длинные руки, висающие груди. Получается, большинство из снежных людей были представительницами прекрасного пола. Другой вопрос: как им удавалось размножаться?

Своего алмасты Жанна воочию так и не увидела. Считала, что лишь по одной причине: слишком поздно к ней поступала информация подобного рода. Зато она собрала огромную информацию о поведении, ареале обитания снежных людей.

Но два участника нашей экспедиции – Назир Хапаев и Сафар Отаров видели алмасты, так сказать, вживую. Последний именно в тех местах, куда мы и выехали. А дело было так.

Сафар и его напарник Ильяс Алиев ловили рыбу в Тызыле. Неожиданно что-то привлекло внимание Сафара – поймал себя на мысли, что кто-то на него смотрит. Стал оглядываться по сторонам и заметил вверху, у светлой скалы, черный силуэт. Пригляделся и осознал: это не тень, не обман зрения, а живое существо ростом около трех метров. Почему именно трех? Дело в том, что существо стояло рядом со скалой, сложенной из белого известняка, и опиралось правой рукой на выступ. Спустя несколько дней Отаров побывал в этих местах, поднялся к скале и увидел, что выступ, на который опиралось существо, от него на расстоянии не менее метра. Понятно, что при неполных 170 сантиметрах Сафара, рост алмасты (если это был он) превышал три метра.

Но вернемся к тому, что было дальше. Увидев существо, осознав, что оно живое, Сафар стал звать Ильяса, увлеченного ловлей рыбы. Как раз клевало, и его напарник не откликнулся. Тогда Сафар не выдержал: «Брось рыбу, я тебе свою отдам, только посмотри наверх».

Алиев тоже увидел алмасты. Вначале своим глазам не поверил, потом неожиданно начал свистеть, на что он был большой мастер.

Сафар обомлел: «Перестань! (мужское обращение, которое прозвучало, опустим в силу его некорректности). А если он к нам пойдет, не убежим ведь. Догонит в одно мгновение».

А на Ильяса словно что-то нашло: продолжал и продолжал свистеть. Но алмасты не проявил агрессивности. Еще какое-то время он смотрел на людей, потом повернулся всем телом и, широко размахивая руками, как бы помогая ими телу, двинулся вверх и в скором времени скрылся за скалой. Сафар так искусно воспроизвел движения существа, что стало ясно: увиденное настолько потрясло его, что навсегда запало в память.

...Мы стоим на том самом месте, где егерь Отаров видел алмасты. Врать или выдумывать ему не было никакой нужды, тем более что рассказ его оказался наполнен множеством мелких деталей, которые так просто не сочинишь. Причем все они перекликаются с теми, что встречаются в записях Жанны Кофман. К тому же Сафар перемежает свою речь таким количеством крепких выражений, что понимаешь, как он волнуется, боясь, что ему не поверят. Но мы верим, так как знаем: увиденное нашим собеседником вовсе не плод разгоряченного воображения.

До скалы где-то триста метров, но, даже не напрягая глаз, четко видишь ее край, выступ, на который опирался алмасты.

Поднимаемся к скале, еще чуть выше. Прямо за ней начинается лесная балка.

– Где ж он, неугомонный, тогда обитает? – задаем вслух вопрос сами себе.

– Так в этой же самой балке, – отвечает Назир Хапаев.

– В балке?

– Место весьма интересное, – вступает в разговор Сафар. – Балка длинная, более трех километров. Трава здесь не растет; лес, особенно такой некондиционный, никто не заготавливает. Раньше для отопления использовали, а сейчас в селе газ. Не помню, чтобы сюда в последние лет 25–30 хоть кто-то забредал. Даже за зверем. Он, кстати, обходит эту балку стороной.

– А как балка-то называется? – спрашиваем.

– А никак, – отвечает Сафар, – безымянная. Не мешало бы ее осмотреть. Давно планировал это сделать, да все времени не находилось.

– Так давайте найдем! – загораемся.

– Можно найти, – Сафар размышляет. – За день справимся. Но надо человек пять, не меньше. Пойдем так: двое поверху слева, двое поверху справа, один понизу. Чтобы успеть, поднимемся на машине, отпустим водителя, чтобы он нас ждал в ущелье, у конца балки. Уходить-то алмасты было некуда, только вниз, только в балку. Значит, даже если он там не живет постоянно, следы должны остаться.

* * *

И вот эта поездка состоялась. Выпал снег и появилась надежда, что на нем будут видны следы лесного человека. Если он, конеч-

но, остался в балке. Нас было пятеро, в том числе профессиональные егеря, чувствующие себя в горах как дома, умеющие читать следы.

Следов увидели множество, в том числе волка, шакала, зайца. Но только животных.

Впрочем, дело даже не в следах. Безымянная балка не покорила нас. Стены ее настолько отвесны, обрываются вниз так стремительно, что при малейшей оплошности можно сорваться. А ухватиться практически не за что: скользкий, не улежавшийся снег, а под ним ломкая, не менее скользкая трава. Стало понятно, почему в балке никто не бывает: сверху не спустишься, идти к ее началу, а потом возвращаться – сил не хватит делать такие затяжные переходы. Дороги понизу нет, сплошная растительность, даже речка не облюбовала эти места.

Тем не менее мы сделали попытку обследовать балку. Неудачно. Решили отложить поиски до лучших времен.

День выдался солнечным, теплым, светлым и чистым. Снег искрился под солнцем. Он укрыл горы, придав им праздничный волшебный вид. Тишина стояла вокруг полная. Ни один звук не нарушал ее. Только наши слова плыли над снежным маревом, упирались в близкие горы и возвращались к нам странным эхом. И вдруг в эту тишину стало вплетаться пение. Странное, непонятное пение. Далеко-предалекое, еле слышное, но, тем не менее, пение. Чье? Женское? Мужское? Человеческое? Природное? Никто из нас не мог ответить на этот вопрос. Мы просто слышали пение. В месте, где никого не было. В месте, где нас окружали горы и небо.

Чу... Мы и сейчас слышим его и не можем понять, с чем столкнулись, что вызвало столь явную голосовую галлюцинацию сразу у нескольких человек. Или это было на самом деле? Но кто мог петь в горах, где наши следы были единственными в этот пронзительный, наполненный солнечным светом и снегом день...

ПЕЩЕРА С «КАМАЗОМ» КОСТЕЙ

Эту пещеру мы заметили уже на обратном пути, когда ноги настолько налились усталостью, что даже оторвать их от земли требовалось усилие. Налилась тяжестью и спина, все в ней ломало, крутило и ныло. И немудрено – с раннего утра, час за часом в гору и в гору. Вначале по узкой тропке, а когда она неожиданно исчезла, растворившись в пожухлой траве, по самой этой траве – скользкой и ломкой. Когда вниз начинаешь соскальзывать, ухватиться не за что – пучки травы остаются в руках, одна надежда на руки, вернее пальцы рук. Так впиваешься ими в землю, что кожа под ногтями лопается. А гребень, по которому ползешь, вздымается все выше и выше и конца ему не видно.

Когда же наконец дошли до конечной точки намеченного маршрута и ничего не обнаружили из того, что подвигло на многокилометровую прогулку по горам, желание поскорее спуститься вниз довлело настолько сильно, что любое, даже самое невероятное зрелище не могло принудить к остановке.

А тут пещера, еще одна из многих и столь привычных для здешних скал. Но Магомета, проводника, которого и усталость как будто не брала, пещера чем-то заинтересовала. Он попросил бинокль и долго всматривался в невероятно узкое ответвление ущелья Урды, на отвесной стене которого зияло небольшое черное отверстие.

– Как это я его не замечал? – непонятно к кому обращаясь, произнес он, продолжая водить биноклем по скале. И, наконец, довольно рассмеялся: – Все понятно. Козырек скрывал пещеру, а сейчас его нет, вероятно отвалился. А теперь видно не только пещеру, но и тропинку к ней. Значит, туда кто-то ходит. Или ходил. Надо проверить.

– Что проверить?

– Пещеру! – ответил Магомет. – Я только туда и обратно. Жди-те меня здесь. Я быстро вернусь.

– Слушай, ты чё – сдурел?! Туда часа два ходу, не меньше. Мы до темноты выбраться не успеем.

Но последних слов проводник уже не слышал. Он не пошел – побежал вниз, за какие-то мгновения скрывшись из глаз. Еще минут через десять один из нас увидел его уже внизу, перебирающимся через речку. Затем он на какое-то время потерялся из виду, а спустя полчаса, не меньше, появился у начала тропки, ведущей к пещере. В бинокль было видно только его спину: он продвигался, вплотную прижавшись к скале, пока, наконец, не исчез в зеве горы.

Прошло минут пять, а Магомет не появлялся. «Придурок» было, пожалуй, самым мягким из определений, которыми я удостоил своего спутника. Что я буду делать, если с ним что-то случится? Помочь ему ничем не смогу. Идти за помощью, но когда дойду? И когда сюда придут те, кто сможет помочь?

Магомета по-прежнему не было видно, хотя я ни на мгновение не отводил бинокля от пещеры. Глаза стали слезиться, окуляры запотели, поэтому я не заметил, когда проводник выбрался из отверстия в скале. Относительно быстро, чуть ли не бегом, он спустился к реке, перешел ее вброд, но подниматься не стал, а остановившись на ровной площадке, с которой мне было видно его, а ему меня, стал размахивать руками. Я долго не мог понять, что означают его жесты, пока не догадался – Магомет, показывая в сторону, откуда мы пришли, предлагал продолжать двигаться поверху, видно, решив не подниматься.

Я направился к выходу из ущелья, то и дело, по причине изгибов тропинки, теряя своего спутника из виду. Он заметно опережал меня, постепенно отходя от речки и поднимаясь ко мне. Удивило, что он все время, чуть ли не поминутно, оборачивался и ничего не кричал, хотя мы были уже в зоне слышимости друг друга.

Когда же я не выдержал и ни с того ни с сего громко позвал его по имени, он стал размахивать руками над головой так быстро и резко, что стало ясно: я что-то сделал не так.

...Наши тропинки сошлись где-то минут через двадцать. При чем я никуда не спускался, шел по своей, а Магомет поднимался ко мне. Уже темнело. Последний оранжевый луч освещал макушку одной из вершин Тызыльской гряды, а Урды уже все затянуло черной мглой.

- Ну что, – не выдержал я, – стоила пещера свеч?
- Каких свеч? – не понял проводник. – Не было у меня свечки. И фонарик в рюкзаке остался. Мало что увидел.
- А что все-таки увидел? – не унимался я.
- Кости. Много костей. Очень много костей. «КамАЗ» костей.
- «КамАЗ» костей? Неужели так много? – не поверил я.
- А может и два «КамАЗа», – видно было, что Магомет вспоминает увиденное и пытается соотнести его объемы.
- Странно... – я пытался понять, шутит или нет проводник. – И чьи же это кости?
- Самые разные. В основном коров, овец. Но много и диких животных. Вероятно, есть и человеческие. Череп один видел. Он поверх них лежал. Но я далеко не ходил. Видел только те, что у входа, рядом со стенкой. А когда спичку зажег, понял, как их много. Очень много.
- А если ты далеко не ходил, почему тогда так долго там находился?
- Не мог уйти. Что-то держало. Ноги не слушались. Может, от страха. Может, еще от чего. Стоял, не мог двигаться.
- Не понимаю: что значит «не мог»? В пещере кто-то еще был? Чья это пещера? В ней кто-то живет? Рысь? Медведь? Человек?
- Лесной человек. Раньше скорей всего жил. Кости старые; все белые, чистые. Теперь не живет. Если бы жил, меня не отпустил.
- Магомет, ты шутишь? Разыгрываешь меня? Алмасты уже много лет никто не видел. Повывелись они все давным-давно.
- Действительно, наши давно их не видели. Последний раз – пастухи в этом ущелье лет десять-двенадцать назад.
- Так, может, он до сих пор где-то скрывается?
- Не знаю. Кости старые. Давние. Повсюду. Может, поэтому так страшно. Ведь, если бы он там был – не отпустил. Это его дом. Он в нем долго жил. Очень долго. Его дух в нем остался.
- Дух? Какой дух, Магомет? Духов нет! – неуверенно возразил я.
- И словно отвечая мне, откуда-то сверху посыпались, заскользили мимо нас небольшие камешки, то ли сдвинувшиеся сами по себе, то ли потревоженные кем-то...
- Магомет поднял голову, оглянулся по сторонам и решительно двинулся вперед – к уже открывшейся взгляду «Ниве», ждавшей

нас у выхода из ущелья. Мне ничего не оставалось, как поспешить за ним. Тьма сгущалась на глазах.

Уже в машине, подпрыгивая на крутых речных перекатах, я спросил Магомета:

– Ты вернешься сюда?

– Без оружия никак нельзя, – ответил он. – И людей надо побольше. Три-четыре человека. Но не верю, что кто-то из наших согласится.

– Я соглашусь.

– Там будет видно.

На Баксанскую трассу из ущелья мы выбрались ближе к полуночи.

Знаю, что компанию Магомету согласились составить два человека. Планируют идти весной.

Лишь бы они про меня не забыли...

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ КАК «ОЧАГ РАЗМНОЖЕНИЯ» АЛМАСТЫ¹

Особенно большой интерес для обзора и предварительных выводов представляют весьма обильные, в высшей степени конкретные и продолжающие непрерывно поступать сведения из Кабардино-Балкарской АССР. Первую попытку обобщить и проанализировать эти сведения сделал краевед П. П. Болычев (г. Нальчик), как в форме заявления в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке», так и в форме статьи «Алмэсты», которая была опубликована в нальчикской газете. В течение 23 лет занятий историей и фольклором Кабардино-Балкарии П. П. Болычев до самого недавнего времени считал рассказы об алмасты (алмастын) чисто легендарным сюжетом, подобным сказкам о ведьмах, и не придавал им большого значения. В конце концов, он принужден был склониться к мнению, что алмасты – действительные человекоподобные существа, дикие, пугливые, избегающие и боящиеся человека, ведущие ночной образ жизни. Важным доказательством реальности алмасты, по мнению П. П. Болычева, является то, что в той части КБАССР, где он в основном производил сбор сведений, об алмасты больше ничего не слышно после 1942–1943 годов, когда через эти места дважды прокатился фронт. Возможно, замечает П. П. Болычев, что гром орудий и прохождение армий заставили последние экземпляры этих существ переселиться в какие-то другие районы.

Вот как резюмирует П. П. Болычев сущность десятков собранных им рассказов. Алмасты – это не имеющие человеческого разума дикие люди или, может быть, человекоподобные обезьяны. Жили они в лесистой горной части Кабарды и Балкарии. Специальных логовищ они не имели, их встречали в заброшен-

¹ Борис Поршнев. Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. ВИНТИ. М., 1963.

ных саклях и пастушеских хижинах на высокогорных пастбищах. Некоторые видели, что они ели початки кукурузы, лук, морковь, а в лесах Кабарды с весны появляется много съедобных растений, летом – ягоды, осенью – дикие фрукты и орехи, один старик утверждал, что алмасты добывают и употребляют в пищу зайцев. Алмасты не имели никакой одежды. Их тело густо покрыто волосами черного или бурого цвета, за исключением груди у самок, тоже черных, оттянутых книзу, болтающихся при беге. На голове длинные жесткие развевающиеся волосы. Утверждают, что глаза у них имеют красный оттенок. Передвигаются алмасты на ногах, как и люди, причем очень быстро, даже на лошади их не догнать. Лошади боятся, а собаки ненавидят алмасты. В нескольких сообщениях упоминается, что собаки выгоняли их из кустов, и, издавая нечленораздельные вопли, они убегали. Самки бегут, прижимая к груди своих детенышей. Алмасты ведут ночной образ жизни и днем появляются только в том случае, когда их вспугнут из убежища, где они скрывались.

П. П. Болычев приводит и некоторые отдельные рассказы. Один кабардинец, отец Мухарби Табухова, однажды, работая в лесу, под вечер развел костер, а затем пошел в аул и лишь по дороге вспомнил что-то и вернулся. У догорающего костра он увидел нескольких алмасты, сидевших на корточках кругом огня; заметив человека, они вскочили и скрылись. Согласно записанному рассказу Сурат Нагоевой, ее родственник, прячась от ливня на Зольских пастбищах, залез в небольшую пещеру и столкнулся здесь со скрывавшимся алмасты. Согласно записанному рассказу Нуши Барамкуловой, она в детстве, пойдя с подругой за водой к роднику, встретила там самку алмасты, которая убежала в кусты, а девочки с плачем прибежали к себе в сел. Шалушка.

П. П. Болычев вносит предложения об организации широких сборов среди населения конкретных сведений об алмасты и, в случае обнаружения хоть немногих живых экземпляров, о создании заповедника для защиты их от окончательного вымирания. Он подчеркивает, что сбор сведений в Кабардино-Балкарии – дело не простое, так как из-за каких-то верований «старики не всегда охотно рассказывают посторонним о таких вещах» (ИМ, III, №121; Советская молодежь (Орган Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ), 27 сентября 1959 г.).

Фото так называемого снежного человека в Орегоне

В монастыре деревни Кумджунг выставлены скальп и кисть, которые, как считается, принадлежат йети

Из других собирателей опросных данных об алмасты в Кабардино-Балкарии необходимо в первую очередь отметить Р. Д. Варквасова (данные преимущественно по Лескенскому району), Х. Г. Тхагапсоева (данные преимущественно по Баксанскому району), Ю. Н. Ерижикова (г. Нальчик).

Вот кое-что из опросных данных, сообщенных Р. Д. Варквасовым. В 1956 году возле пещеры в местности, называемой Кардахурт, несколько ребят были испуганы существом, которое одни называли «губганана» («полевая старуха»), другие – алмасты, но описания их совпадают: ростом с человека среднего роста, сутуловата, безволосое человеческое лицо, длинные волосы спускаются до плеч, тело покрыто красно-буроватыми волосами. Летом 1957 года километра на два выше того же места проезжавший на арбе колхозник Афаунов, по его словам, видел алмасты в долине одной безымянной речки, в тридцати шагах от себя, его описание внешности алмасты совпадает с вышеприведенным. По словам Галима Евгажукова, из поселка Кызбурун, он видел в 1936–1938 годах многих алмасты мужского и женского пола, очень высоких ростом, в Тызыле – местности в западной части Кабарды. Они обитают там, как он утверждает, в многочисленных пещерах, но когда колхозные стада занимают окрестности этих пещер, алмасты покидают Тызыл и переходят в Кинжал и Татлахуко; поэтому в этих очень больших и глубоких пещерах их лучше всего искать с мая до середины июня. Впервые, как рассказывает Галим Евгажуков, он увидел алмасты женского пола еще когда был мальчиком: он подошел к ней вплотную, когда она сидела, видел, что она чесала волосы пятерней, что грудь была перекинута через плечо, один старик объяснил ему в ответ на его рассказ, что это – алмасты, а грудь перекинута потому, что они так кормят своих детенышей – грудь длинная и неудобно кормить спереди. А в последний раз за свою жизнь этот рассказчик видел алмасты в 1947 году: тот был стар, с седыми волосами, подошел к колхозному полевому стану и его видел несколько колхозников; как оказалось, это был полуприрученный алмасты, – жившая постоянно на этом полевом стане сторожиха подкармливала его остатками пищи. Такие алмасты, говорит рассказчик, менее боятся людей, хотя, конечно, группу людей избегают, а собак боятся очень сильно; «членораздель-

ной речью они не владеют, но издают звук, похожий на человеческое мычание; сильные бегуны».

Юсуп Арутюнов, 35 лет, собрал в своем родном селе Жемтала многочисленные рассказы об обитании алмасы в близлежащей дикой местности, причем говорят, что до войны они там были не редкостью, но после войны уже мало кто видел их. Рашид Ишбухов, 22 лет, в 1954 году, ворюя яблоки в чужом саду, столкнулся лицом к лицу с алмасты, который якобы жил прирученный и подкармливаемый у семьи хозяина сада. Тафун Шибзухов, пася ночью лошадей, пытался поймать верхом на лошади подошедшего к шалашу алмаса, но не смог его одолеть, так как он очень сильный. Старик ста с лишним лет Бекир Озирупов утверждает, что однажды ночью он настиг запутавшегося в дерновом кустарнике и упавшего алмаса, которого он с любопытством рассматривал, зажигая одну за другой спички, причем тот всякий раз визжал и плакал, «вижу: человек – не человек, медведь – не медведь, а все тело покрыто черными волосами». Талиб Балкаров, 40 лет, колхозный чабан, как говорят, видел недавно днем алмасты с детенышем в руках на горе Шиблоана, недалеко от поселка Лескен. Наиб Каров из поселка Аргудан, заехав на арбе в заброшенный пустующий полевой стан, в одном из помещений, по его словам, встретился лицом к лицу с алмасты; в окрестностях этого стана якобы и многие другие тоже встречали алмасты. В долине р. Шекер один рассказчик якобы пытался догнать скрывшегося в глубокое ущелье алмасты, другой якобы видел купающегося алмасты.

Р. Д. Варквасов, приводя эти и иные записи, подчеркивает, что в народе верят в подлинность этих сведений, подчеркивают, что до войны такие человекообразные животные были не редкостью. Считается вероятным, что зимой они переходили куда-то в более теплые места, потому что все встречи происходили весной или летом. Список мест, где по собранным данным встречали алмасты: ущелья рек Шекер, Черек, Урух, урочища Карзахурт, Кетмен, Бузаженко, окрестности селений Жемтала, Аргудан, Кызбурун. По народным рассказам, питаются алмасты, живущие в горах, всевозможными мелкими зверями, дикими яблоками, грушами, орехами и т.д., а алмасты, держащиеся около населенных пунктов, фруктами, кукурузой, хлебом, сыром, сырым и вареным мя-

сом, если им удастся что-либо из этого украсть у людей. Алмасты, по рассказам, очень чутки, могут убежать от собаки и лошади, из чего делается вывод, что они могут догнать любого зверя. Подчеркивается, что они сильно воняют – потом или чем-либо другим, но во всяком случае очень неприятно. Сообщаются сведения об отдельных семьях, которые втайне содержат прирученного алмасты или которые приучили алмасты приходить по ночам за пищей, однако это подкармливание или приручение всегда хранится почему-то в величайшем секрете от окружающих (ИМ, II, № 70; рукописные сообщения Р. Д. Варквасова. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Приведем кое-что из записей Х. Г. Тхагапсоева. Он подчеркивает разницу между рассказами о фантастических сверхъестественных существах, способных делаться невидимыми и т.п., и сообщениями об алмасты, которые внушают страх не какими-нибудь магическими своими свойствами, а своим сходством с человеческим обликом и в то же время уродливостью. «Разводить огонь алмас, видимо, не умеет, – пишет Х. Г. Тхагапсоев, – но в отличие от зверей он не боится его: старики, некогда бывшие пастухами, утверждают, что с ними нередко случалось, что к разведенному ими костру иной раз подходил греться какой-нибудь алмас и бедный пастух вынужден бывал в мучительном страхе терпеть не очень приятное соседство... Автору этих строк была рассказана одним стариком, Цаговым, весьма любопытная история, из которой явствовало, что его отцом-охотником был пойман алмас и даже, будучи приручен, выполнял простейшие трудовые операции». Но записаны не только воспоминания о далеких временах, а и утверждения многочисленных «очевидцев» о том, что они совсем недавно «были насмерть перепуганы» встречей с алмасты в урочище Псыншоко (Прималкинского района) или же в зарослях Гедукинского заповедника.

Весьма конкретно рассказывает колхозник Х. Н. Ахметов, как в 1918 году в районе Псыариша они с товарищем, ночуя в старом сарайчике на пастбище и оставив в углу на всю ночь тлеющий костер, проснувшись, увидели незнакомца, который показался им одетым в бурку, так как был весь волосат, рост имел выше человеческого, а «руки у него болтались до самых колен». На оклик пришелец лишь промычал что-то непонятное, затем встал и уда-

лился, а когда за ним погнались собаки, он со страшным криком бежал от них. Группу колхозников, ночевавших на сенокосе в заброшенном сарайчике, несколько ночей подряд кто-то забрасывал комьями земли и камушками, пока однажды парни не столкнулись со стоявшим у самого сарайчика алмасты, который быстро скрылся в зарослях.

На вопрос, уходят ли алмасты зимой на другую сторону гор, одни отвечают положительно, по мнению же других, они остаются здесь же, скрываясь около незамерзающих болот, в заброшенных сараях и т.д. Обобщая собранные данные о внешности алмасты, Х. Г. Тхагапсоев пишет: «Конечности длинные, тело напоминает горбатого человека, шея толстая и короткая, все тело покрыто волосами (но не шерстью!), лицо же – в меньшей степени, мощные челюсти и крупные зубы; многие отмечают, что садится алмасты большей частью на корточки... По словам колхозника А. Бекулова (Чегемский район), он наблюдал, как алмасты перелезает через забор: сначала подтягивался на руках, а затем перебрасывал задние конечности». Особи мужского и женского пола имеют резко выраженные внешние различия: у женских особей меньший рост, очень длинные волосы на голове, женская фигура, развитые грудные железы. Ряд кабардинцев независимо друг от друга утверждают, что видели детенышей алмасты. «Никому не удалось видеть искусственных пещер или землянок, которые могли бы принадлежать алмасты, зато нередки случаи, когда их видели в заброшенных сараях, в одиноких и удаленных от населенных пунктов юртах, в зарослях камыша; видимо, они не способны сооружать жилища. По свидетельству многих лиц, питаются алмасты растительной пищей, бывали случаи нападения их на бахчи. Существует единодушное мнение, что алмасты не хищны, т.е. не нападают ни на скот, ни на людей, с тем чтобы сделать их своей добычей. Их действия носят оборонительный характер. От преследования скрываются быстро, вообще способны очень быстро передвигаться».

Наконец, в опросных данных Х. Г. Тхагапсоева еще яснее, чем у кого-либо, выступает своеобразная роль мусульманских суеверий по отношению к алмасты: считают, что убивший алмаса или обидевший его не избежит «божьей кары», по словам некоторых местных жителей, «старики чтят алмасов и готовы оказать им

любые услуги, в надежде, что бог вознаградит их на том свете, и алмасы находят среди них своих кормильцев и укрывателей на зимнее время» (ИМ, II, № 71; рукописные сообщения Х. Г. Тхагапсоева, Архив комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Три любопытные записи присланы Ю. Н. Ерижиковым. По словам Х. К. Гетежева, в 1919 году он был свидетелем того, как вооруженные чем попало люди сбежались к лесу и с криком избивали лежавшую на земле покрытую черными волосами очень страшную на вид «женщину», на вид лет 45–50; ему сказали, что это существо забралось в один дом и бросило в кипящую барду девочку семи лет. В 1926 году тот же информатор, по его словам, в старом загоне для скота далеко в поле заметил в дальнем углу похожее на человека темное существо. Через день с ним поехал туда старший брат, захватив хлеба и сыра, и войдя в загон, стал кого-то громко уговаривать уходить в заросли и больше не появляться здесь. «Но ему никто не отвечал, лишь хорошо прислушавшись, можно было разобрать, что кто-то непрерывно бубнит низким, глуховатым голосом. После этого в дверях показался брат, а за ним следовало какое-то существо. Это была очень страшная, покрытая волосами женщина. У нее были красноватые глаза. Фигура была низкая, коренастая, ноги короткие и кривые. Голова была покрыта густыми черными волосами, в беспорядке лежавшими на широких плечах, а с груди свисали сильно развитые молочные железы. Она шла не торопясь, что-то бубня себе под нос. Одной рукой она вела своего детеныша, которому было примерно год или два, а в другой руке держала привезенные братом подарки. Не переставая бубнить, она скрылась в густых зарослях». Третий случай произошел в верховьях р. Нальчик в месте слияния Большого и Малого Нальчика, в июле 1951 года. По рассказу Г. Е. Тохова, в безлюдном ущелье он подошел к заброшенному дому, принадлежавшему прежде, по видимому, балкарцам. В одной из поросших травой комнат спиной к дверному проему сидело какое-то темное существо. «Я знал из рассказов стариков, что есть какое-то существо алмастын, и догадывался, что встретил не что иное, как алмастын. Сначала я хотел подойти к этому существу, потом, побоявшись, передумал. Обойдя строение, я нашел какое-то отверстие, заглянул в него, и вот что я увидел. Прямо напротив меня в углу сидело существо,

своей посадкой напоминающее человека, обхватив руками ноги и опустив голову на колени. Видно услышав шорох моих шагов, оно приподняло голову и начало прислушиваться, потом, опершись о землю своими руками, оно приподняло свое тело. Теперь я мог хорошо разглядеть его. Тело было покрыто мелкой шерстью, а с головы свисали черные густые волосы, доходившие до поясницы. Глаза были большие и красные. Плечи были широкие не по росту (рост примерно 1,8 м), руки длинные и, по-видимому, цепкие. Ноги были короче туловища и кривые. Это было существо женского пола, ее молочные железы свисали почти до пояса». Услышав шум, произведенный лошадью, существо еще более насторожилось, а испуганный наблюдатель вскочил на лошадь и ускакал (Сообщение В. Н. Ерижикова. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Приведенные показания ни в чем существенном не противоречат друг другу и в то же время удивительно многообразны. Они как бы раскрывают все новые и новые оттенки поведения и облика данного человекообразного существа, что едва ли бывает с каким-нибудь мифологическим образом. Приведем еще письмо Б. М. Тобухова из Лескенского района, описывающее нападение на него такого существа в середине сентября 1959 года. Он вез на подводе дрова из леса, переехал вброд речку Шекер и объезжал находившийся на пути небольшой курган. В этот момент никогда не виданное им раньше существо, которое он готов назвать обезьяной или алмасты, подошло к коням и, как ему показалось, попыталось изменить направление подводы. Когда рассказчик оказал сопротивление этому существу, оно укусило его в плечо, но получив сильный удар дубиной, издало нечленораздельные звуки и ушло в лес. За короткое время встречи рассказчик заметил следующее: тело этого существа было покрыто темно-коричневой шерстью длиной в 3–4 см; рост выше среднего, примерно 190 см; стоял немного согнувшись; пальцы на руках толстые; лицо тоже имело волосяной покров, рот по отношению к общему размеру головы был очень широк, нос не длинный, порядка 6–7 см, глаза имели красноватый цвет, ничего не выражающий взгляд, большие широкие ступни (Сообщение Б. М. Тобухова. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Фотография, известная как «Охотники на бигфута». Конец XIX в.

Считается, что это подлинная фотография снежного человека

Преподаватель Аргуданской школы Кузьменко записал показание жительницы аула Аргудан (Лескенский район) Кушховой. Лет 30 назад, в этом самом ауле Аргудан, выйдя зимним холодным утром, подошла к находившейся неподалеку от сакли глубокой яме для отбросов. «Взглянув в яму, я вскрикнула от испуга. В яме на корточках сидела голая, вся заросшая густыми волосами женщина; на руках у нее был такой же волосатый маленький ребенок, и женщина пыталась завернуть его в обрывок грязной тряпки, выброшенной в яму». Решив, что это шайтан, Кушхова, чтобы откупиться от него, бросила волосатой женщине старое одеяло. Волосатая женщина, прижав своего ребенка, убежала большими прыжками (Сообщение Кушховой. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Работник совхоза Уркутин Баксанского района КБАССР Талунев, утверждая в своем письме, что в Кабарде все люди от мала до велика без исключения знают о существовании алмасты, далее перечисляет тех жителей селения Куба-Таба, которые лично наблюдали это существо, а также нескольких жителей соседних селений, которые могут, как он говорит, хоть под присягой заверить существование в этих краях реальных алмасты. Всего названо двенадцать человек. Например, Хамид Синташев, 50 лет, лет 20–25 назад видел девушку-алмасты, которую поймали в саду, когда она приходила за яблоками, продержали ночь в пустой комнате, а утром выпустили; «речью человеческой она, конечно, не владела, плакала, скулила». Хамид Паштов, 50 лет, в 1953 году приехав к стогу за сеном, видел старуху-алмасты, сидевшую в сене. Мухамед Карданов, 25 лет, в 1952 году встретился с алмасты на кукурузном поле на расстоянии каких-нибудь 2–3 метров. Авес Тенгизов, будучи сторожем на сельской мельнице в селение Куба, в 1953 году в декабре услышал на втором этаже мельницы шорох и, поднявшись, увидел алмасты, который пригоршнею ел зерна кукурузы и стремительно убежал от крика сторожа. Он же летом 1954 года, идя из селения Куба в селение Малка, наткнулся на кукурузном поле на двух детей – алмасты; один из них спал, а другой что-то ел. «Надо сказать, – прибавляет автор письма Талунев, – что сейчас стало значительно труднее встретить алмасты, но летом это не безнадежно, так как они спускаются сюда в долину из-за того, что здесь им легче просуществовать. Питаются они

летом в основном кукурузой и фруктами» (Сообщение Талунева. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Следует, наконец, упомянуть совсем недавние сведения, сообщенные нам госохотинспектором (г. Махачкала) В. К. Леонтьевым и преподавателем зоологии Кабардино-Балкарского университета (г. Нальчик) А. К. Темботовым, о многочисленных наблюдениях алмасты, сделанных жителями Кабардино-Балкарии летом 1959 года, в том числе в долине р. Малки. Весьма любопытный рассказ передал научный сотрудник Высокогорного Геофизического института АН СССР на Эльбрусе Аульдин Эльмесов со слов своего дяди Магила Эльмесо́ва. В 1938–1939 годах, когда этот случай произошел, Магил Эльмесов работал колхозным табунщиком в сел. Кызбурун Второй. Каждое лето в июне-июле он поднимался по долине Баксана с колхозным скотом, обычно с лошадьми, на приэльбрусские пастбища. Каждое лето в долину р. Малки привозил свою пасеку и один русский пчеловод из с. Ново-Ивановка близ Нальчика. В то лето, едва Магил Эльмесов зашел навестить его, как пасечник сообщил, что всего дней семь назад его младший брат (может быть, сын) подстрелил какое-то существо, очень похожее на человека, должно быть сатану. И пасечник повел Магила Эльмесо́ва в кусты, метрах в 150 от его палатки, где лежал этот мертвый, скорченный «сатана». То, что Магил увидел, он запомнил на всю жизнь: уже разложившийся труп существа, очень похожего на человека, волосатое тело; вытянутое, как у собаки, лицо, несоразмерно туловищу длинные конечности. Он запомнил еще, что на ладонях волос не было. На ногах были очень длинные пальцы. Магил Эльмесов сразу понял, что это был алмасты, о котором он не раз слышал.

Как же было убито это существо? С некоторых пор из шалаша пасечника по ночам стали исчезать продукты, в то время когда сам он спал под открытым небом, на вышке. Бывали даже вылизаны все тарелки и сковородки. Оставив подежурить два-три дня знакомого кабардинца, пасечник поехал домой за младшим братом, хорошим стрелком. Встретивший их перепуганный кабардинец подтвердил, что кто-то по ночам приходил в шалаш. Брат залег в шалаше, и полночь раздался выстрел дуплетом: брат сказал подбежавшему пасечнику, что, когда «сатана» сунулся в шалаш, он в него выстрелил. Едва рассвело, они увидели воз-

ле шалаша следы крови, которые вели в кусты. Пойдя по следу, метрах в 150 наткнулись на мертвого, скрюченного алмасты, которому обе пули попали в живот (Записано Ю. А. Зерчаниновым 10 февраля 1961 года).

* * *

Перейдем теперь к сжатому изложению отчета о рекогносцировочной поездке профессора А. А. Машковцева в Кабардино-Балкарию летом 1960 года. Базируясь на сел. Баксаненок Баксанского района, А. А. Машковцев провел обширную опросную работу в ряде соседних селений и провел ландшафтно-зоологические маршруты.

Прежде всего А. А. Машковцев старался выяснить отношение широкой массы сельского населения к расспросам об алмасты. К его удивлению, дети и женщины запросто указывали на какие-нибудь заросли кустарников около селения или на приусадебные участки, где появлялись алмасты, и группа женщин даже просила помочь спугнуть с их участков поселившегося алмасты, поедającego поспевшие фрукты и кукурузу. Беседуя с кабардинцами, мужчинами среднего и пожилого возраста, А. А. Машковцев вставлял в разговор осторожный вопрос: не являются ли все рассказы об алмасты плодом суеверия, чем-то вроде веры в черта. На этот вопрос неизменно следовал одинаковый ответ: черт – это бесплотный живой дух, а алмасты – материальные существа, есть алмасты женского пола и мужского, от их сожителства рождаются дети, они постепенно стареют, седеют, они умирают от старости и болезни. Не раз были случаи, что собаки чабанов догоняли и на смерть загрызали алмасты. В старину алмасты встречались чаще, были случаи, что их приручали и они по несколько лет жили в кабардинских семьях, выполняя самые несложные работы. Были, якобы, случаи половой связи алмасты мужского пола с одиночками кабардинками, а одиноких кабардинцев – с алмасты женского пола. Со времени установления советской власти, говорили жители А. А. Машковцеву, особенно после ликвидации единоличных хуторских хозяйств и организации колхозов, после интенсивной вырубki равнинных лесов, распашки целинной кустарниковой степи, вместе с исчезновением в лесостепной, равнинной части Кабарды диких копытных зверей, резко стало уменьшаться и

количество алместы. Однако, говорили кабардинцы, на окрестных землях все же ежегодно случаются встречи с алместы. К востоку, где сохранилось больше равнинных лесов, их видят чаще, чем в западной части Кабарды. В общем все сельское население, по крайней мере в обследованных аулах Кабарды (Баксаненок, Псиншока, Куркужин, Нартан), уверено в существовании здесь человекоподобных существ, тело которых сплошь покрыто темными волосами, – алместы. Речью они не обладают и никакими орудиями не пользуются, но умеют бросать палки, комки земли, камни. На людей эти существа нападают чрезвычайно редко, в особенности миролюбивы и даже проявляют склонность к общению с человеком особи женского пола. По рассказам кабардинцев, они чаще всего встречаются алместы на колхозных полях и на приусадебных участках. В полях в летнее время алместы попадают около полевых станков, где готовится пища и бывают отбросы, или около загонов, где живут полевые сторожа. На основе рассказов А. А. Машковцев высказывает предположение, что люди подкармливают алмасты остатками своей пищи и что это поощряется мусульманским духовенством.

Кабардинец Х. К. Гетежев, рассказывавший о том, как его брат вывел из овчарни волосатую женщину («губганана», как называют подчас алместы женского рода) с волосатым детенышем, добавил, что в том же году к его шалашу на кукурузном поле несколько раз приходила за остатками пищи та же самая полевая дикая женщина; «людей она не очень боялась, но, видимо, из осторожности обычно появлялась, когда я оставался один». Потом она внезапно перестала появляться.

Х. Г. Гутова указала место на пустыре между усадьбами, заросшее бурьяном, где в 1957 году она увидела в яме черное, волосатое, человекообразное существо. Соседи добавляют, что в этом же бурьяне они видели самку алместы с ребенком летом 1960 года, незадолго до беседы.

Старик Хизир Губашев (80 лет, кабардинец, сел. Баксаненок) сказал, что он пас скот на горных пастбищах 20 лет и только один раз за это время там был встречен алместы, зато в равнинной части он лично дважды в жизни встретил алместы – в 1936 и 1958 годах. «Как-то утром я пошел на речку, окруженную зарослями камыша и непролазных кустарников, и вдруг увидел

алмасты: это был высокого роста дикий человек, тело которого было сплошь покрыто черными волосами. Это был мужчина. Я его видел очень близко, шагах в 15–20, и заметил, что его глаза удлинённые и поставлены косо, как у китайцев. Пальцы на руках толстые». Но Губашев добавил, что он мало смотрел на алмасты, так как люди от этого болеют, и сам он все-таки проболел после встречи 3–4 месяца. Губашев рассказал, что несколько лет тому назад в лесу Карагач, который расположен рядом с полевым станом в урочище Псеариша, чабанские собаки поймали и задушили алмасты, где его труп и лежал долго, пока не истлел. Несмотря на этот полный реализм, Губашев трактует алмасты как принадлежащих к племени джиннов (бесов), наказанных Аллахом за тяжкие провинности тем, что они свергнуты на землю, стали смертными и получили отвратительную внешность, походя одновременно как на зверя, так и на человека.

Старик Хамид Ахметов, 70 лет, рассказал, что в 1952 году, выйдя рано утром из полевой сторожки на колхозном поле, он увидел на влажной земле следы двух детенышей алмасты, подходивших из кукурузы к самой сторожке. Через два года какие-то алмасты бросали куски земли в ночевавших в сарайчике во время сенокоса колхозников, один алмасты был замечен, но, по мнению Ахметова, кидали землю те же два детеныша. По этому поводу А. А. Машковцев замечает, что, если это верно, то в окрестностях сел. Баксаненок в настоящее время живет по крайней мере одна семья алмасты, состоящая из отца, матери и какого-то количества детей разного возраста, которая, возможно, охраняется кабардинцами этого огромного селения, насчитывающего около 5 тыс. жителей.

Из других рассказов Ахметова отметим лишь одну деталь: когда одного подсевшего ночью к очагу алмасты на рассвете гнали собаки, «он бежал, а руки его болтались ниже его колен».

Елена Григорьевна Алексанова (63 лет, русская, жена кабардинца, колхозника, сел. Псыншоко) рассказала, что в июне 1959 года около 11 час. утра она на своем участке услышала мяукающие звуки и нашла среди кустов картошки сидевшего на корточках ребенка приблизительно 6–7-летнего возраста. Все его тело было покрыто черными волосами, волосы на голове были всклокоченные, как бы слегка курчавые, лицо было человече-

Фотографии, свидетельствующие о подлинности феномена снежного человека

ское, но кожа лица – совершенно черная. Как оказалось, этого алместенка гнали по огородам собаки, и, видимо, увидав женщину, он искал у нее спасения; пока она ходила за мужем, детеныш скрылся в бурьян позади огорода. Е. Алексанова добавила, что ежегодно в период полевых работ она слышит от кабардинцев и кабардинок о встречах алместы то в лесу, то в кукурузе, то в кустарниках. Но, как доверительно сообщила А. А. Машковцеву колхозница Марят Алхасова, в 1957 году к их соседу на усадьбу регулярно приходил алместы, которого тот кормил, однако всячески скрывал это от всех жителей селения и, конечно, ничего не расскажет приезжему.

Объездчик Гедукинского заповедника Салим Загаштуков рассказал, что в 1946 году, в июле, он оставил в небольшом заброшенном домике на лугу свою мамалыгу и ушел косить траву, а вернувшись, застал в домике алместы, доедавшего мамалыгу, который выскочил и убежал в лес. Тем же летом он вторично встретил этого алместы в лесу, но с тех пор более не встречал.

Вот что рассказал заведующий свинофермой Нашир Панжиков. В 1958 году видели алместы возле старого свинарника, летом 1959 году был встречен алместы очень высокого роста в Чегемском лесу (на р. Чегем). Тем же летом 1959 года на горных пастбищах в районе гор Инал и Кинжал в урочище Домбей-Кермен разыгралась трагедия. Два пастуха-коневода увидели, как какой-то зверь с пастбища спустился в лесистое ущелье. Один из пастухов побежал с ружьем в том направлении, вскоре раздался страшный крик, на помощь бросился второй с ружьем. Оба не вернулись к табунам. Только через два дня были найдены их страшно изуродованные трупы с оторванными руками и головами; стволы ружей были погнуты. Нашир Панжиков с основанием утверждает, что официально признанный виновником медведь никогда не расправляется так с жертвами. Нашир Панжиков окончил десятилетку, знает зоологию. «Думаю, – говорит он, – что пастухов убил огромный дикий горный человек, что-то вроде гориллы. У нас, – добавил он, – кроме совершенно не опасных, безобидных алместы в горах и диких ущельях встречаются еще гориллоподобные страшно свирепые горные дикие люди».

Однако другие рассказчики дают то же название алместы этим существам очень большого роста (гораздо выше самых высоких людей), они очень похожи на людей, но их тело сплошь покрыто

черными волосами, они издают сильный, острый, неприятный запах. От людей они спасаются с такой быстротой, что и собаки их догнать не могут. Интересно, что место обитания этих алместы приурочивается к районам, прилегающим к горам Инал и Кинжал. А. А. Машковцев слышал от ряда информаторов, что в этих местах в пещерах обитают алместы, которых пастухи из селения Куркужин и ветеринарный врач Бетал Кумыков ежегодно видят, когда летом пасут в этих местах колхозный скот. Ветеринарный врач Кумыков сделал наблюдение, что чаще всего алместы встречаются на этих горных пастбищах в период выжеребки кобыл, последа которых они поедают.

По утверждению нескольких жителей селения Кызбурун Второй, около колхозного полевого стана в течение 15 лет жила пара старых, уже поседевших алместы. Они не очень боялись людей, но очень боялись собак. Жившая постоянно на этом полевом стане сторожиха кормила этих алместы остатками пищи, которую она варила для колхозников во время летних полевых работ. Они не обладали членораздельной речью, а издавали звуки, похожие на мычанье.

Р. Д. Варквасовым записано сообщение Хамида Тленкопачева. В 1937 году в пионерском лагере, где он был секретарем комсомольской организации, кто-то ночью похитил мясо из котла, на следующую ночь поставили сторожа, в полночь он заметил на территории лагеря человекообразное существо, у которого были очень длинные руки, узкие плечи и удлинённая голова. Сторож поднял тревогу, все бросились за алместы, но поймать его не удалось, его угнали от лагеря собаки.

Житель сел. Баксаненок молодой кабардинский поэт Х. А. Шублаков в конце октября 1957 года, бродя в районе Псеариша, заметил следы ребенка, очевидно, детеныша алместы на полузамёрзшей болотистой почве около степной речки.

Преподаватель агрономии средней школы сел. Баксаненок Апон Георгиевич Тетцоев, осетин, рассказал А. А. Машковцеву 31 июля 1960 года о событии, происшедшем за два дня до того, ночью 29 июля, на посевом стане № 2, где он провел двое суток с бригадой учеников старших классов. Когда легли спать, собаки полевого стана лаяли на кого-то в стороне кукурузного поля и были долго возбуждены. Часа в два ночи галопом примчалась кем-то напуганная на лугу лошадь полевого сторожа. Затем раз-

дались тревожные крики из домика, где спали девушки. Одна из них, Л. Заракушева, рассказала: она спала у порога, проснулась от шороха, разбудила подругу, обе с ужасом из-под одеяла смотрели на человекообразное существо, которое подошло к дверям и смотрело на спящих. Это был огромного роста и очень широкоплечий алместы, немного постояв, он опустился на корточки, продолжая рассматривать спящих. Услышав голос агронома, кричавшего на перепуганную лошадь, алместы медленно, не торопясь, встал на ноги и вышел из домика. Наутро агроном А. Г. Тетцоев расспросил полевого сторожа, ответившего, что около полевого стана № 2 где-то в кукурузе или в конопле каждое лето живет алместы, который в течение этого (1960) года вот уже третий раз приходит на полевой стан, к домику.

А. А. Машковцев 4 августа 1960 года посетил этот полевой стан, беседовал со сторожем и с двумя поварами, которые варят пищу для колхозников. Сторож сказал, что, переночевав несколько дней на полевом стане, приезжие, может быть, и увидят алместы. Но поварихи принялись укорять прибывших за то, что они охотятся, ищут, хотят поймать алместы, пугая, что делать этого не надо во избежание несчастья. У А. А. Машковцева осталось впечатление, что поварихи эти кормят приходящих на полевой стан № 2 алместы, может быть, целую семью, по словам жителей сел. Баксаненок, женщины-колхозницы каждый год встречают алместы около этого полевого стана № 2.

В сел. Нартан на р. Нальчик со слов колхозника Бекулова записано следующее происшествие. Летом 1959 года молодой кабардинец где-то в лесу поймал маленькую девочку алместы лет 7–8. Жители сбегались к околице, где он держал за руку дикую лесную девочку, одной рукой закрывавшую лицо. Сбежавшиеся кабардинцы приказали парню немедленно отвести ее в тот лес, где она была поймана, и отпустить на волю, во избежание несчастий, которые в противном случае неизбежно обрушатся на селение. По той же причине оказалось невозможным продолжить опрос жителей. Сам Бекулов не хотел продолжать беседу об алместы, так как, по разъяснению его дочери, считает, что после того, как он столкнулся в каком-то сарае в поле с алместы и, испугавшись, ударил его вилами, в семье начались разные несчастья.

А. А. Машковцев приводит убедительные данные в пользу того, что алместы в какой-то мере находятся под защитой и по-

Фотографии, свидетельствующие о подлинности феномена снежного человека

кровительство Корана. Кавказские мусульмане, замечает он, будут чинить препятствия в наших поисках этих существ. Этих достаточно наказанных Аллахом джинов правоверный мусульманин должен щадить в их тяжелой неприглядной жизни. А. А. Машковцев проводит любопытную зоологическую параллель: как известно, мусульмане не охотятся на диких кабанов, поскольку Кораном запрещено есть свинину, и поэтому кабан на территории Кавказа (как и Средней Азии) в большом количестве обитает в тех районах, где значительная часть местного населения – мусульмане. Как только в таких районах поселялось много людей, придерживающихся христианского вероучения, так в этих местах очень быстро уничтожались дикие кабаны. Вот точно таким образом, исходя из иррациональных религиозных мотивов, мусульманство оказывается охранителем не только диких кабанов, но и диких волосатых лесных людей.

Анализируя все собранные записи, А. А. Машковцев приходит к выводу, что они просты, искренни и реалистичны; приходится допустить, что в самом деле какие-то человекообразные существа, может быть питекантропного или неандерталоидного типа, в очень небольшом количестве до сих пор обитают на территории Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. В летнее время они встречаются на равнинной лесостепной территории Кабардино-Балкарии. Вероятно, часть из них и зимует в лесостепной Кабарде, укрываясь от непогоды в пустующих полевых человеческих строениях, а может быть, получая приют и подкормку от некоторых суеверных лиц. Однако не все алместы в Кабардино-Балкарии являются «нахлебниками» человека и живут вблизи поселков на равнине. Часть «диких лесных волосатых людей» живет в горах под Эльбрусом, в районе гор Инал и Кинжал в пещерах.

Являются ли эти горные «эльбрусские» дикие люди тем же самым, что и живущие на кабардинской равнине? А. А. Машковцев выдвигает два возможных решения: 1) это два разных типа, две особые расы, 2) дикие «великаны» Центрального Кавказа, достигающие огромного размера и огромной силы, – это попросту очень крупные особи мужского пола тех же самых диких горных людей. Второе предположение представляется А.А. Машковцеву более вероятным. Зоологам хорошо известно, что у крупных млекопитающих самцы могут достигать значительно большего размера, чем самки. Огромного размера достигают подчас самцы

медведей, диких кабанов, тигров. Чаще всего самцы, достигающие огромного размера, очень угрюмы, свирепы и любят одиночество. Охотники называют таких очень крупных кабанов «одинцами». Охота на них весьма опасна. Вот таковы же, возможно, и горные алместы, – они более нелюдимы, достигают большого роста и огромной силы. Они предпочитают круглый год жить в непроходимых горных ущельях. Они гораздо более, чем молодь и особи женского пола, склонны избегать людей и близости населенных пунктов. Вероятно, эта высокогорная популяция «одинцов» совершает сезонные миграции в области Главного Кавказского хребта, живя то на его северном, то на его южном черноморском склоне (Сванетия, Грузия, Абхазия).

Что касается до алместы, живущих на равнине Кабарды, то А. А. Машковцев делает предположение, что это – особи преимущественно женского пола, в особенности имеющие детенышей или беременные. В поисках недостающих жизненных условий они принуждены делать попытки жаться к людям, становятся «нахлебниками», воруют в садах овощи и фрукты, поедают отбросы, в полях питаются кукурузой, арбузами, ягодами терновника и т.п. Поскольку детеныши алместы очень похожи на человеческих детей, может быть, материнское чувство женщин издревле, с далеких языческих времен побуждало их в свою очередь к жалости, к контактам с этими дикими существами (*Машковцев А. А. Поездка в Кабардино-Балкарию 1960 г. (рукопись)*).

Наконец, закончим наш обзор данных по Кабардино-Балкарии записями, произведенными летом и осенью 1962 года. Вот фрагменты из записей С. Г. Мюге. Лесоруб из Баксана Хозали Жанкираев в лесу в районе Эльбруса встретил волосатого человека, который схватил его за руку; Хозали вырвался, дикий человек его не преследовал. Инженер И. И. Симонов, работавший в 1956 году близ сел. Жемтала, сообщил, что жители этого селения однажды, придя утром на работу к месту изготовления клепок для бочек, застали возле непогасших за ночь углей костра дикого человека. По словам ассистента КБГУ А. К. Темботова, во время последней войны партизаны, скрывавшиеся в балках района рек Малка и Кич-Малка, в течение нескольких дней подкармливали двух алместы, живших в соседней пещере. Жители сел. Сармаково утверждают, что в 1924 году в трех километрах от села водился алместы; видели его по ночам многие, но он избегал встреч с

двумя и более людьми. В 1935 году (или 1937 году) Баразби Ногмов в сел. Каменомост охранял склад, к нему подошел алместы, но Ногмов от испуга (по поверию кабардинцев, от заколдовывающего взгляда алместы) стрелять не смог, хоть и хотел. Шофер-тракторист Тохов в 1939 году, возвращаясь ночью, встретил на тропинке, проходившей через поле подсолнечника, находившегося на расстоянии трех-четырех шагов алместы; Тохов зажег пропитанную керосином паклю, которую носил с собой по ночам для защиты от волков, и при свете хорошо рассмотрел алместы: рост с человека, покрыт шерстью, разрез глаз якобы вертикальный (может быть, это впечатление создает сильно выраженное так называемое «третье веко»?). Среди жителей сел. Сармаково есть поверие, что алместы можно поймать и приучить выполнять домашнюю работу, однако лишь в том случае, если удастся у него вырезать кусок шерсти и спрятать в доме. В 1938-м или 1940 году Мату Жериков (свыше шестидесяти лет, сторож), рубя хворост в балке Шеголуба, увидел алместы, побегал на полевой стан, вернулся с племянником Талибом Жериковым, и они застали алместы на том же месте; увидев людей, алместы встал и ушел. Талиб Жериков в 1939/40 году ночью проходил мимо уборной, которую с лаем окружили собаки; Жериков бросил в уборную сверху камень (уборные часто ставятся без крыш) и оттуда выскочил алместы, который скрылся в бурьяне на близлежащем кладбище. В 1936–1937 году, в июне, дождливым днем чабан услышал в балке Аурсентх странный крик и, подойдя к краю балки, увидел в пещере три фигуры; он побегал на полевой стан сел. Каменомост и привел с собой к балке человек 30, в том числе Талиба Кулишева, со слов которого записаны дальнейшие сведения. В пещере увидели трех алместы, повернувшихся к людям спинами и издававших нечленораздельные звуки – «бормотавших»; так как люди плотно стояли у входа в пещеру, алместы не пытались бежать из нее, а люди их хорошо рассмотрели на расстоянии 3–5 метров: рост немного меньше человеческого, коренасты, покрыты чернобурой шерстью, похожей на шерсть буйвола, местами сваленной, как войлок; резкий неприятный запах «старого загона»; хвоста нет; глаза раскосые, красноватые; голова, по-видимому, немного длиннее, чем у человека, хотя точно трудно определить, так как она покрыта длинными, очень грязными и сбитыми волосами; шерсть на теле не очень длинная, но плотная, причем на груди

длиннее, чем на боках и конечностях; наблюдатели якобы увидели какие-то набедренные повязки из тряпок или войлока. Кулишев уверен, что в этих балках алместы можно встретить и сейчас, хотя встречаются они гораздо реже, чем раньше.

Мухамед Шогенов из сел. Каменомост утверждает, что в 1933 году утром у родника на него напал алместы, началась борьба, но на шум прибежали собаки и алместы отступил, скрывшись в пещере. В этой же самой пещере в феврале 1960 года охотник М. М. Балагов, преследуя раненую лису, натолкнулся на алместы – человека голого, покрытого бурой густой шерстью; охотник оставил лису и побегал домой. В районе Псыбундж (за Кич-Малкой) ехавший на волах Мурадий Хофиюгов лунной ночью летом 1945/46 года встретил на дороге двух алместы. Тика Шабо-теков, старик свыше 80 лет, по его словам, до последней войны много раз видел алместы в балках Джаман Кул и в балке левее сел. Каменомост, преимущественно ночами; по его словам, после войны алместы в этих районах исчезли. По словам Бестана Шанахова, старика 105 лет, он около 50 лет тому назад возле пещеры по течению р. Малки видел алместы: рост небольшой (150–160 см), глаза вертикальные (?), красные, весь покрыт черной шерстью – взлохмаченной, неаккуратной; волосы «на голове длинные, грязные, свисают космами; обладает очень неприятным запахом, напоминающим запах старой пещеры. Алместы что-то лопотал на нечленораздельном, нечеловеческом языке. Совсем не собирався нападать. Шанахов выставил пистолет, но алместы явно не понял его назначения. Заинтересовался блестящими ножнами кинжала. Походка у него почти человеческая. Шанахов и алместы стояли друг против друга несколько минут, затем оба отступили. Шанахов утверждает, что до этой личной встречи он не верил рассказам стариков о существовании алместы.

Упомянутый выше Баразби Ногмов (свыше 70 лет) в старые годы был атаманом шайки разбойников и нередко скрывался в горах от преследований властей. В 1918–1920 годах он проезжал верхом по долине Кич-Малки и на узкой тропинке встретил алместы. Лошадь испугалась, но он рассмотрел алместы довольно подробно: шерсть с сединой, свалывшаяся, как мох на дереве; глаза с вертикальным разрезом (?); старый мужчина; его сильный неприятный запах позже несколько дней преследовал Ногмова. Ногмов вспомнил, что убийство алместы навлекает несчастье, и

проехал мимо. Колхозник Кара Кочкаров, 70 лет, рассказывает, что до образования колхозов он сеял кукурузу в долине р. Малки, ниже сел. Каменомост. Однажды в зарослях кукурузы он увидел самку алмesty, которая кормила детеныша. Шерсть черная, всклокоченная. Издавала сильную вонь. Была повязана тряпкой вокруг поясницы. Второй раз Кочкаров видел алмesty на камне на самой середине р. Малки. Как он слышал от отца (объездчика), алмesty часто воруют одежду, пищу, тряпки. «Далеко в горы не ходят. Там им кушать нечего». Часто видели прежде алмesty за Пятигорском – в лесах и виноградниках.

Согласно записям С. Г. Мюге, некоторые кабардинцы различают две разновидности диких людей: 1) алмesty – волосы длинные; глаза имеют вертикальный разрез, встречаются близко от селений, питаются падалью, воруют кукурузу и другие сельскохозяйственные растения на полях, 2) мозыль – лесной человек, водится вдали от селений; шерсть у него короче; грудь килевидная; глаза с горизонтальным разрезом; мозыль выше алмesty, больше похож на человека, одежды не носит. Ветеринарный фельдшер сел. Каменомост Балагов, интересовавшийся вопросом об алмesty, сообщил, что в дальних пещерах под Эльбрусом местные жители показывали ему череп, берцовые и другие кости, которые, по их словам, принадлежали алмesty или мозылю; пещеры эти расположены на солнечной стороне долины Харбаза. Балагову известна и пещера в районе Джаман-Кул, где, по словам местных жителей, водились алмesty. Предварительный осмотр этой пещеры, произведенный С. Г. Мюге, дал скудные находки: много кочерыжек сырой кукурузы, немногочисленные отдельные кости животных, нижнюю челюсть и мелко раздробленные кости черепа ребенка 5–6 лет современного физического типа, следов огня и человеческой культуры не обнаружено (Из сообщения С. Г. Мюге, 19 июля 1962 года. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Перейдем к записям, сделанным в Кабардино-Балкарии летом и осенью 1962 года Ж. И. Кофман и членами ее группы – Л. Вегером, О. Ольшевской, В. Трошиным, Е. Сидельниковым.

Вот рассказ окончившей 3 курса Ленинградской консерватории кабардинки Л. С. Озроковой (36 лет, Урванский район, Старый Черек). «Раньше, до войны, алмасты в нашей стране была

Фотографии, свидетельствующие о подлинности феномена снежного человека

уйма. Очень многие люди видели их. Видела, в частности, моя мать в молодости. Она работала в поле с другими крестьянами. Вдруг подошла группа алмасты и стала их дразнить – повторять их движения: крестьяне работают тяпкой – и алмасты как будто держат тяпку, крестьяне сядут – и те сядут. Крестьяне испугались, подошли к старику Али, который точил тяпки, так как работать он уже не мог. Он сказал: «Не надо бояться, они не тронут». Когда мы были маленькие и уходили в лес, мать всегда предупреждала: «Если увидите алмасты, не дразните их, не бросайте в них камней, палок». Отец мой был большим охотником, охотился он в горах, в лесу. Он встречал алмасты много раз... Алмасты мужского пола называются «мозыль», алмасты женского пола – «губганана» (полевая старуха). «Алмастын» же – общее собирательное название. Так по-русски говорят «мужчина», «женщина», а обобщающее название – «люди». После войны алмасты видят значительно меньше».

Тогда же записан дополняющий предыдущее рассказ Шамилят Озроковой, 70 лет. Лет 40 назад она была разбужена ночью лаем собак, наскикивающих на что-то в углу сада, и отскакивавших обратно. «Я посмотрела туда и увидела, что стоит губганана. Стоит прямо, как человек, только очень большого роста, вся покрыта волосами, особенно длинные волосы на голове. Груды очень длинные, до низа живота. Лицо страшное, похожее на человеческое, только губы выдвинуты вперед. Похожа на обезьяну». Рассказчица сначала науськивала собак, но те боялись подходить слишком близко; затем взяла большую палку, подошла к «губганане» и сильно ударила ее, та очень громко закричала и с места перепрыгнула через забор почти двухметровой высоты. «До войны очень много было у нас алмасты. Сейчас мало слышно. Они кушают все, что растет на огородах: огурцы, помидоры, початки кукурузы. Зимой они живут в лесу».

Рассказ Жандарби Дзахмишева (кабардинец, 59 лет, Лескенский район, Аргуданский техлеспункт). «Я видел алмасты в июле 1937 года на южных склонах Западного Кинжала, точнее, на восточном берегу Тызыла. Я пас отару баранов, которые шли по берегу, а я выше их, по косогору. Было 10–11 час. утра, хорошая погода. Завернув за поворот, я вдруг увидел алмасты в 15 м от себя, если не ближе. Он сидел на солнышке, в шерсти ковырялся. Я остановился, собак у меня не было, ружья тоже, а барашки

внизу уходили. Тогда, постояв, я свистнул. На свист он повернул ко мне лицо. Я видел длинные волосы на голове. Лицо, кажется, похоже на человеческое. И тотчас он встал на ноги, весь волосатый, шерсть похожа на буйволиную, и ушел на двух ногах в пещеру, перед которой сидел. Я спустился вниз и обошел пещеру. На третий день нас туда пошло человек 5. Мы зашли в пещеру. Там очень воняло. Были следы, похожие на след человеческой ноги, только свода нет, стопа плоская. Костей, подстилки какой-нибудь не было. Пещера очень глубокая. За 10 лет, что я там пас скот, я видел алмасты только один раз. Но не было года, чтобы я не слышал от 3–4 человек о встречах алмасты. Там много сусликов, много горных индеек...» Ержиб Кошокоев (70 лет, сел. Старый Черек) заявил, что до войны в их краях алмасты было очень много, «можно сказать – масса», сейчас же их очень редко встречаются. Лично он видел алмасты дважды за свою жизнь. Первый раз это было в сентябре 1944 года. В составе отряда по охране порядка рассказчик ехал по коноплянному полю, около Черной речки, когда ехавший впереди его резко остановил лошадь со словами: «Смотри, алмасты!» – «Впереди, в нескольких метрах, – говорит Кошокоев, – стояла губганана, запихивавшая себе в рот верхушки конопляных стержней с семенами. Увидев отряд, она быстро на двух ногах побежала и спряталась в стоявший неподалеку кош». Отряд спешил и окружил кош, причем рассказчик был как раз против двери коша. «Пока мы приближались, губганана два или три раза выскакивала из коша, она казалась очень взволнованной: выскочит, суетится, бросится в одну сторону, а там – люди, вбежит обратно в кош, снова выскочит, бросится в другую сторону, но там тоже люди. При этом она гримасничала, губы быстро-быстро шевелились и она бубнила что-то. Между тем наша цепь все ближе приближалась к кошу, мы уже шли локоть к локтю. В это время губганана выскочила еще раз, заметалась, да вдруг закричала очень страшным криком и кинулась прямо на людей. Бежит она быстрее лошади. По правде сказать, люди растерялись. Она легко прорвала нашу цепь, с разбега прыгнула в овраг и скрылась в окружающих речку зарослях. Ростом она была примерно 1,80 м, здоровая, лицо плохо было видно из-за волос. Хотя на ней были обрывки старого домотканого кафтана, было видно, что груди до низа живота, а все тело покрыто длинными рыжими волосами, напоминающими волос буйвола. Я ходил смотреть следы в овра-

ге: они очень маленькие, так что я очень удивился тогда несоответствию между ее ростом и длиной следа». Второй раз Кошокоев видел алмасты летом 1946 года, проезжая рано утром верхом вдоль кукурузного поля. Алмасты, сидевший у дороги, при приближении всадника встал и ушел в кукурузу. «Алмасты, – говорит Кошокоев, – надо выслеживать по ночам возле конопли, когда она созревает. Конопля – самая любимая его еда, он съедает ее очень много – ходит по полю и запихивает в рот грозди семян. При этом все время бубнит «бум-бум-бум», чавкает, сопит, шуршит стеблями, так что когда алмасты ест коноплю, его ночью далеко слышно... Алмасты любят также арбузы. Раньше они приходили на бахчи и много вредили. Однажды я шел к колхозному сторожу на бахче между Старым Черекон и Аргуданом. Смотрю – много испорчено арбузов, изгрызаны как-то странно, середина вся выедена. Взял один, посмотрел, там следы больших зубов. Я понял, что это алмасты. Подхожу к своему другу, смеюсь, говорю ему: «Что же ты за сторож, посмотри, какая у тебя бахча стала». Он отвечает: «Не говори! Измучил меня алмасты. Каждую ночь приходит и кушает арбузы. Я выхожу к нему с палкой, а близко подойти боюсь. Я кричу ему: «Как тебе не стыдно, уходи отсюда!» Он в ответ: «Бум-бум-бум». Я опять кричу: «Совести у тебя нет! Ведь я отвечаю за арбузы». А он свое: «Бум-бум-бум». Так вот и переговариваемся с ним всю ночь». Кроме этого колоритного рассказа, Кошокоев в ответ на расспросы сообщил также, что лет 30–40 назад два пастуха нашли в лесу голову алмасты, недавно загрызенного собаками или волками. Рассказчик вспоминает, как сокрушенно говорили пастухи: «Как жалко, как жалко алмасты». Как видим, во всех этих сценах нет открытой враждебности между человеком и алмасты. Скорее налицо признаки известной взаимной адаптации. По словам того же Кошокоева, люди жалуют алмасты, прикармливают, когда те приходят к дому или в дом, а то и выбрасывают им старые лохмотья, «чтобы им не было холодно». Еще чаще алмасты сами воруют еду и одежду, последнее, может быть, они делают из любопытства и непреодолимого подражания. Если человек искупался на берегу речки, после его ухода нередко из леса к этому месту выходит алмасты, осматривает, трогает и нюхает место, где лежала одежда.

Ибрагим Гулиев, балкарец, 31 года, вспоминает, что, когда ему было 7–8 лет, он в поисках потерявшейся козы наткнулся на ле-

жавшую в траве алмасты, свернувшуюся клубком. Алмасты была вся покрыта волосами темного, рыжеватого цвета. Она спала. Ростом она была примерно с девочку лет 13-ти. Некоторые сообщения о подобных случайных встречах относятся к совсем недавнему времени. Балкарец Салим Хучуев, работник того же маслосыр-завода «Коштан», 39 лет, сообщил, что в 1959 году ночью лошади близ коша чего-то сильно испугались, и он выскочил с ружьем. «Вижу, ко мне приближается человек. Я окликнул его, но он не ответил. Он приближался и все время скалил зубы и смеялся, как истеричная женщина. Я направил на него ружье и крикнул: «Стрелять буду!» Он засмеялся еще громче. Я зажег костер и тут понял, что это алмасты. Увидев огонь, он начал пятиться и ушел». Назир Кулиев сообщил, что в октябре 1961 года охотник из Тырнауза, отправившийся вниз по речке, вскоре вернулся в сильном волнении: его напугало человекообразное существо, которое он увидел в ущелье близ Чертовой ямы. Это существо сидело на корточках, руки его были настолько длинные, что предплечья как бы лежали на земле. Это был мужчина, без всякой одежды, покрытый шерстью серого цвета, очень худой; похоже было, что он либо болен, либо очень стар. Тогда же, осенью 1961 года, произошло следующее происшествие с Хазизом Бечукуевым, балкарцем, 19 лет. «Я пас лошадей недалеко от центральной усадьбы совхоза «Эльбрусский». Как-то холодным туманным вечером мы с Хозыром Байдаевым сидели у костра. Из тумана показалась человеческая фигура. Когда она приблизилась, мы увидели, что это был алмасты. Алмасты сел у костра напротив нас и все время на нас смотрел. Это был мужчина. Волосы на голове у него были очень длинные, весь он был покрыт черной шерстью. Подробно мы его не разглядели. Он не уходил часов до 3 ночи, но утром его уже не было. На вторую ночь мы привязали верховую лошадь около костра. Он снова подошел к костру и все время был около лошади, но она осталась привязанной, он только ходил вокруг нее или сидел». То же было на третью ночь, и еще несколько раз алмасты подходили к костру пастухов, когда бывала плохая погода. Вот сообщение еще более свежее. 21 июля 1962 года Нина Бодаева, кабардинка, 19 лет, с 10-классным образованием, сообщила, что две недели назад, когда она, работая на прополке кукурузы на поле Псыхо, около полудня пошла набрать воды в реке Черек, у самой воды под плетнем бахчи она увидела человека, сидевшего

в тени на корточках, подойдя ближе, увидела, что он весь с ног до головы покрыт рыжими волосами. Девушка испугалась и, бросив ведро, убежала.

Вот несколько сообщений о поимках и случаях приручения алмасты. Абузер Жабоев, кабардинец, 28 лет, тракторист из сел. Аушигер рассказал, что в 1939 году его отец на конопляном заводе в сел. Герменчик, въехав как-то вечером на лошади в конюшню, в углу увидел человека и окликнул его, но тот бросился к выходу и выскочил из конюшни. Отец погнался за ним на лошади и при дневном свете увидел, что это алмасты, весь покрытый волосами, а волосы с головы достигали даже земли. Алмасты забежал в какое-то помещение, то ли в цех, то ли в баню, вызвав там переполох, а отец вбежал туда и схватил его за волосы. Подоспевшие люди помогли отцу задержать его. Алмасты заперли в сарае и держали 2–3 часа, затем решили отправить его в Нальчик. Отец получил за поимку алмасты 500 руб. награды. Точно так же многие жители сел. Сармаково сообщили, что летом 1962 года Харитон Бекулов (пос. Новая Жизнь Прикумского района) во время заготовки камыша и купания сумел захватить мозыля – человекообразное существо, покрытое густой черной или темно-бурой шерстью. Отец его, Зачи Бекулов, подтвердил факт поимки его сыном мозыля и получения 500 руб. премии. С. Т. Штымов, кабардинец, 45 лет, кандидат педагогических наук, директор средней школы, рассказал так о чуть не состоявшейся поимке и поисках алмасты его братом. «Это правда, что в нашей стране есть алмасты. Я сам видел его в детстве. Это было летом 1924 года, во второй половине августа. Мы возили лен на теребилку, в районе урочища Псытауша, в 9 км от Баксаненка по направлению к г. Прохладный. Меня оставили возле повозки с лошадьми. Но мне было скучно, я стал ходить поблизости и забрел в старый, заброшенный кош. Это было во 2-м часу дня и вначале, после солнечного света, я ничего не заметил в коше. Потом, когда глаза привыкли к темноте, я разглядел какое-то волосатое существо, которое сидело в углу на корточках. Я стоял в дверях, закрывая выход. Я закричал от испуга. На крик прибежал мой старший брат Саша, которому было тогда 40 лет. Он сразу определил, что это алмасты, так как ему приходилось неоднократно встречать их. Он сказал мне: «Не бойся, не обращай внимания, это существо безобидное, ты видишь – оно почти такое же, как мы», и стал

подходить к нему. Тогда алмасты издал пронзительный громкий писк, как обезьяна. Брат пытался схватить его. Алмасты сопротивлялся. Возились они несколько минут. Наконец алмасты вывернулся и на двух ногах выбежал из сарая. Он нырнул в заросли. Сам я все это время стоял в стороне и дрожал от страха. Шерсть на алмасты была густая, черная. На голове очень длинные волосы. Лица я не видел из-за свешивающихся с головы волос. Ростом он был небольшой – 1,30–1,35 м. Вскоре после этого, в 1925 году, в то время как брат мой был председателем сельсовета, к нему из Баку или из Еревана приехал товарищ врач. Этот врач интересовался алмасты. Он специально приехал к брату, потому что брату приходилось, когда он был партизаном в гражданскую войну, неоднократно видеть эти существа в лесных тущобах и зарослях. По просьбе этого врача брат вместе с ним в течение июля занимался поисками алмасты. Они объезжали верхом весь район, заходили в заброшенные коши, сараи. Наконец, однажды, в том же районе, где я видел, брат наткнулся в коше на алмасты. Он бросился на него, крича товарищу, чтобы тот поспешил на помощь, но, прежде чем врач успел сойти с коня, алмасты вырвался и убежал. Я помню, что они потом сожалели о том, что выехали только вдвоем, а не взяли с собой целую группу».

Очень чтимый среди балкарцев старец Тапа Хазиевич Шаваев, около 100 лет (сел. Былым, ныне Угольное), дал очень любопытные сведения о приручении и прикармливании алмасты балкарцами в прошлом. «Раньше их было много и они часто жили у людей. В нашем селении, например, была одна семья, Ахматовы. У них постоянно жил алмасты в доме... В Каменомосте (по-нашему, Кармакабак) тоже жил алмасты в одном доме. Я часто ночевал в том доме. Каждый раз, когда семья садилась за обед или ужин, во двор выносили паек алмасты. Один раз забыли оставить, и когда вернулись вечером, оказалось, что он все перерыл в доме в поисках своего пайка: перешвырял всю посуду, все кастрюли, ложки, миски... Раньше можно было найти алмасты. Теперь очень трудно. Сараи, в которых он жил, сгорели, а люди (приручавшие его) все умерли. Зимой они живут в пещере или в том доме, с которым познакомились. Но только люди, у которых алмасты живет, редко когда говорят об этом...»

Наконец, вот еще одна из записей 1962 года. Вернее, это соединение двух независимых друг от друга записей, относящих-

ся к одному и тому же случаю. Главный механик Сармаковского маслозавода М. Темботов рассказал, что года 2–3 назад ночной сторож одной из летних ферм Умар Урчуков сообщил ему о следующем происшествии. Поздно вечером сторож сидел в коше у огня. В кош зашел огромного роста алмасты – мужчина, покрытый волосами, который открыл бидон с молоком и долго пил, а напившись, бросил бидон, не обращая внимания на льющееся молоко, и направился в дальний угол коша, где и находился всю ночь. Утром его уже не было. М. Темботов попросил сторожа на случай вторичного прихода алмасты выкладывать у входа сырую глину для получения отпечатка следа. Действительно, сторож через несколько дней сообщил, что отпечаток получен, однако, по приезде М. Темботова, оказалось, что след затоптан скотиной, ночевавшей в коше. Через несколько дней сторож сообщил по телефону, что у него украли тюк шерсти. Отправившись по следу, сторож пришел в пещеру, где на разбросанной шерсти спал его ночной гость. Сторож испугался и убежал. М. Темботов немедленно приехал, и они вдвоем пошли к пещере. В ней была обнаружена шерсть, служившая кому-то постелью. «Эту шерсть, – говорит М. Темботов, – мы со сторожем отнесли к нему в кош» (Из записей 1962 года группы под руководством Ж. И. Кофман. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Все эти весьма обильные сообщения, поступающие из Кабардино-Балкарии, если принять их за несомненные, характеризуют эту область как занимающую особое положение на Кавказе не только по количеству наблюдений, но и по двум ясно выступающим особенностям. Во-первых, здесь много сведений о детенышах, что давало бы основание рассматривать именно данную часть Большого Кавказа как очаг размножения кавказского «снежного человека» в наши дни. Во-вторых, здесь многочисленны упоминания о приручении или полуприручении этих существ, об их подкармливании, об использовании ими посадок культурных растений и пустующих строений – словом, об определенных элементах какого-то своеобразного синантропизма.

СОДЕРЖАНИЕ

В роли охотников за тайнами «Аненербе»	3
«Немецкий аэродром» под Эльбрусом	5
Альпийское эхо в кавказских горах	33
Погребенные подо льдом	43
В роли охотников за «величайшим»	
 из метеоритов	53
Забытая заметка в «памятной книжке»	55
Мне с неба видно все	57
Метеоритовладельцы Калмыковы	60
Арикский феномен	65
Молоканские связи небесного гостя	70
Он называется ахондрит	77
И в Верхнем Курпе свой посланец	79
В роли охотников за снежным человеком	81
Откуда к нам приходит алмасты	83
Пещера с «КамАЗом» костей	90
Кабардино-Балкария как «очаг размно- жения» алмасты	94

ББК 63.3 (2Р-6КБ)

К 73

Котляровы М. и В.

К 73 Кавказ мистический. В роли охотников за: тайнами «Аненербе»,
«величайшим» из метеоритов, снежным человеком. – Нальчик:
Издательство М. и В. Котляровых, 2016. – 128 с.

ISBN 978-5-93680-938-5

Мария и Виктор Котляровы

КАВКАЗ
МИСТИЧЕСКИЙВ роли охотников за:
тайнами «Аненербе»,
«величайшим» из метеоритов,
снежным человеком

+16

Редактор В. Н. Котляров
Корректор Н. В. Римская

Сдано в набор 20.08.15. Подписано в печать 24.02.16.
Формат 60х84^{1/16}. Бумага мелованная. Гарнитура PT Serif.
Усл. печ. л. 13,25. Тираж 3000 (1-й завод 1-999) экз.

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99
Издательство М. и В. Котляровых
360051, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19.
Тел./факс. (8662) 42-62-09
e-mail. elbrus@mail.ru www.elbruss.ru

ISBN 978-5-93680-938-5

Отпечатано: Заказ № 123, отпечатано 45.67.8900 г.

9 785936 809385